

0-791930

На правах рукописи

Эмер Юлия Антоновна

**МИРОМОДЕЛИРОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОМ ПЕСЕННОМ
ФОЛЬКЛОРЕ: КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ**

10.02.01 – Русский язык

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Томск – 2011

Работа выполнена на кафедре общего, славяно-русского языкознания и классической филологии ФГБОУ ВПО «Национальный исследовательский Томский государственный университет»

Научный консультант: доктор филологических наук, профессор
Резанова Зоя Ивановна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Лебедева Наталья Борисовна

доктор филологических наук, доцент
Оглезнева Елена Александровна

доктор филологических наук, профессор
Орлова Наталья Васильевна

Ведущая организация: ФГАОУ ВПО «Сибирский федеральный университет»

Защита состоится 7 декабря в 10.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.267.05 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук при ФГБОУ ВПО «Национальный исследовательский Томский государственный университет» по адресу: 634050, г. Томск, пр. Ленина 36, Томский государственный университет.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке «Национального исследовательского Томского государственного университета» по адресу: г. Томск, пр. Ленина, 34 а.

Автореферат разослан 28 октября 2011 г.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000710767

Ученый секретарь

диссертационного совета

кандидат филологических наук, профессор

Л. Захарова

—Н.А. Захарова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Диссертационное исследование посвящено анализу современного фольклора в когнитивно-дискурсивном аспекте.

Актуальность исследования обусловлена социокультурными факторами, изменившими среду бытования фольклора, и тенденциями научной парадигмы, сложившейся в системе гуманитарного знания к началу XXI в., которые заключаются в обращении к традиционным феноменам в новых аспектах, к периферийным, ранее не изучавшимся явлениям.

Технологический уровень цивилизации XX–XXI вв. обуславливает изменения в обществе, приведшие к трансформациям в ментальной сфере, что получило отражение в культуре в целом и в фольклоре в частности и способствует динамичному развитию фольклора, появлению новых фольклорных традиций и форм, способов бытования и передачи фольклора. Фольклор в постиндустриальном обществе становится «визитной карточкой» отдельных социальных групп, отражая мировидение, ценностную систему, эстетические принципы той или иной социальной общности.

Признание фольклора явлением актуальной культуры, чутко реагирующим на изменения общественной системы, осуществляющим ряд социальных функций, а также обращение к фольклору как способу сохранения национальной идентичности в условиях унификации культуры привело к всплеску общественного и научного интереса к этому феномену. В системе среднего и вузовского образования, учреждениях дополнительного образования, некоммерческих организациях созданы научно-исследовательские лаборатории, центры, занимающиеся изучением традиционного и современного фольклора, разработаны программы и курсы, направленные на сохранение и популяризацию народного творчества¹, выпускаются специализированные журналы, посвященные вопросам изучения народного творчества².

Все это послужило основанием для развития не только теоретических исследований, но и прикладного направления (создания баз данных фольклора, создания разных типов словарей фольклора и др.) и заложило базу для описания фольклора в новых аспектах. Расширяется исследовательская база и за счет обращения к жанрам современного фольклора.

Современный фольклор как конгломерат традиционных, недавно появившихся жанров и маргинальных форм бытует в деревенской и городской среде, демонстрируя одновременно непрерывность и изменчивость, отражая установки современного фольклорного сознания.

Маргинализация главной функции современного фольклора по отношению к традиционному, его определенная закрытость и дифференциация по социальным группам, особая жанровая организация, тесное взаимодействие с авторским творчеством привели к тому, что долгое время современный фольклор оставался на периферии исследовательского интереса, лишь в 90-е гг. XX в. началось активное

¹ Например, учебно-научный центр типологии и семиотики фольклора РГГУ (Москва), учебно-исследовательская лаборатория фольклора КППА (Петрозаводск), Государственный республиканский центр русского фольклора (Москва), МОУ ДЮД «Центр сибирского фольклора» (Томск) и др.

² «Живая старина», «Традиционная культура», «Народное творчество» и др.

изучение его фольклористами, антропологами, культурологами (М.А. Алексеевский, С.Ю. Неклюдов, Т.Б. Щепанская и др.). Лингвисты, предпочитая в качестве объекта исследования традиционные жанры, лишь недавно обратились к современным фольклорным жанрам (Е.Я. и А.Д. Шмелевы, Т.М. Степичева, И.В. Тубалова и др.). Фрагментарное методологически разноаспектное лингвистическое описание отдельных жанров современного фольклора (преимущественно загадок, анекдотов, быличек, частушек), с одной стороны, наметило возможные направления исследования, с другой – не решило проблему описания современного фольклорного дискурса как целостной коммуникативно-познавательной системы.

Научный интерес к фольклору обусловлен как самим объектом рассмотрения, так и господствующей научной парадигмой – функционализмом, проявляющим внимание к существованию языка в разных вариантах.

Функционализм, актуализировавший внимание к говорящему и созданному им тексту, обратил внимание на традиционные феномены в новом – когнитивно-дискурсивном – аспекте. Исследования, посвященные языку фольклора, органично вписываются в современную научную парадигму, активно развивая идеи когнитивной лингвистики. Однако в когнитивном аспекте, как правило, исследуется традиционный фольклор: описываются ключевые фольклорные концепты, концептосферы отдельных жанров, национально-специфические концепты, реконструирующие статичную картину мира. Современный фольклор не попал и в сферу внимания когнитологов, решающих проблемы когнитивного и языкового моделирования на материале повседневно и институциональных дискурсов (Н.Н. Болдырев, Н.А. Мишанкина, З.И. Резанова и др.). До сих пор когнитивные модели, отражающие специфику современного фольклорного сознания, не получили своего описания.

Когнитивные модели, выявленные в исследованиях фольклорной языковой картины мира на материале традиционных жанров и отражающие специфику национального мировидения, составляют основу эстетически представленного национального мировидения. Но в современности эти модели подвергаются трансформации в зависимости от субкультурных особенностей, изменившихся условий фольклорной коммуникации, поэтому необходимо обратиться к моделированию фольклорного дискурса с учетом социокультурных, коммуникативных и когнитивных параметров, определяющих специфику коммуникации и своеобразие вербальной реализации когнитивных структур, отражающих способ мировидения, характерный для данной социальной общности.

Активное описание институциональных дискурсов, способов их текстовой реализации способствовало выявлению фактов, обуславливающих взаимодействие дискурсов, их коммуникативное пересечение [Денисова, 2008; Костяшина, 2009; Силантьев, 2004, 2006; Филипс, Йоргенсен, 2004; Чернянская, 2007 и др.]. Не случайно изучение явления полидискурсивности стало одним из актуальных направлений современной лингвистики. Фольклорный дискурс, взаимодействующий в современном мире с институциональными и повседневным дискурсами, в данном аспекте до сих пор не получил лингвистического описания.

Одним из важнейших индикаторов состояния современного общества помимо фольклора является праздничная культура, которая, как лакмусовая бумажка, отражает социальные отношения, социокультурные, общественно-политические и из-

менения, происходящие в обществе. Несмотря на активное описание праздника в системе гуманитарного знания, лингвистических работ, посвященных данной проблеме, немного. В центре внимания исследователей – текстовый континуум праздничного дискурса [Карасик, 2004; Тубалова, Эмер, 2007; 2008, 2009]. Праздничный дискурс как репрезентация фольклорного дискурса нуждается в детальном исследовании.

Полидискурсивное существование современного человека, который каждый день находится в ситуации выбора коммуникативного пространства, обуславливает вариативность его картины мира. Описание результатов дискурсивного миромоделирования является одним из важнейших направлений дискурс-анализа. При этом ни праздничная, ни фольклорная картина мира в аспекте их взаимодействия до сих пор не были исследованы. Выявление культурно обусловленных когнитивных моделей, проявленных в текстовом пространстве фольклорных жанров в праздничном дискурсе, поможет описать мировосприятие современного человека в субкультурном преломлении.

Исследование современного фольклора в когнитивно-дискурсивном аспекте позволяет выявить и описать когнитивные структуры фольклорного сознания и вербализующие их единицы, обнаружить наличие в сознании носителей фольклора модели дискурса, структур репрезентации знаний, обуславливающих его бытие.

Объектом исследования является современный песенный необрядовый фольклор, имеющий некую территориальную закреплённость, а также социально-культурную маркированность.

В центре нашего внимания находится современный фольклор, бытующий на территории сибирского региона (Томской, Кемеровской и Новосибирской областей) в деревенской и городской среде. Анализ сибирского материала и материалов амурского современного фольклора, фольклора, представленного на территории Центральной России, показал, что, в силу экстралингвистических причин (форм хранения и передачи, миграции населения), современный фольклор, особенно бытующий в деревенской среде (состав фольклорных жанров, текстовые формы), имеет минимальные территориальные отличия.

Для сибирского фольклора локальность традиции всегда была менее актуальна, чем для фольклора европейской части России, в силу историко-культурных причин.

Культурное пространство Сибири начиная с XVI в. синтетично: смешанный, разнодиалектный состав населения, оторванность от исконной, «материнской», национально-культурной среды, культурное взаимодействие мигрантов с аборигенами на протяжении нескольких веков не могли не сказаться на формировании фольклорной традиции.

В XX в. демографическая ситуация в сибирском регионе усложнилась: массовое насильственное переселение представителей различных национальностей и социальных групп (30–50-е гг.), процессы естественной миграции населения, необходимость поиска работы и получения высшего образования в сибирских вузах привлекли в регион население многих республик бывшего Советского Союза и оказали влияние на формирование фольклорного пространства Сибири.

Одной из характерных особенностей современной фольклорной среды является ее «мозаичность»; исторические события, приведшие к смешанному составу

населения, социокультурные изменения: взаимодействие устной и письменной традиции, научно-технический прогресс, урбанизация – способствовали тесному взаимодействию деревенского и городского фольклора. Не случайно жестокий романс, баллада, частушка были зафиксированы нами как в городской, так и в деревенской среде. Указанные жанры занимают особое место среди фольклорных жанров, являясь связующим звеном между традиционным и современным фольклором, при этом сохраняя основы фольклорного миромоделирования. Именно поэтому песня и частушка рассматриваются нами в качестве ядерных жанров современного деревенского фольклора, позволяющих выявить динамику развития фольклора. Обращение к ним обусловлено следующим.

1. Поскольку содержание этих жанров охватывает важнейшие сферы жизнедеятельности коллектива, моделирование ключевых фрагментов фольклорной картины мира должно осуществляться на материале этих жанров. Отметим, что они обладают высоким уровнем востребованности носителями фольклора, поскольку именно в них фольклорная личность предстает как отдельный субъект, живущий по законам коллектива, но обладающий индивидуальными чувствами и эмоциями.

2. Носителем данных жанров является весь фольклорный коллектив (практически независимо от возрастных, гендерных характеристик), поэтому эти жанры количественно преобладают в экспедиционных записях.

3. Песня и частушка сохраняют коллективные аксиологические установки и служат способом выражения общих эмоций.

4. Это жанры, формирующие фольклорное ядро, общее для разных субкультур. Массовость, известность, отсутствие требований к особым условиям исполнения, к исполнительскому мастерству, возможность повседневного и праздничного бытования позволяют включить их в общий фонд национальной культуры.

Амбивалентность песни и частушки – сохранение базовых когнитивных установок традиционного фольклора и одновременно отражение нового содержания, приспособление к новым условиям бытования – обусловила выбор данных жанров в качестве основных для когнитивно-дискурсивного описания современного фольклора.

Городская среда есть совокупность субкультур, обладающих собственным фольклором. В качестве жанра, характерного для отдельной субкультуры г. Томска (хореографического коллектива), нами рассмотрены куплеты – как разновидность частушки, жанр городского фольклора. Анализ *песен* и *частушек* как жанров, отражающих общенациональные когнитивные установки, бытующих и в деревенской, и в городской среде, и *куплетов* как жанра, представленного в отдельной субкультуре и отражающего установки отдельного коллектива, позволяет выявить принципы миромоделирования, присущие современному фольклору.

Предмет исследования – базовые когнитивные модели, формирующие специфику фольклорного мышления, получающие специфическое языковое воплощение в эстетически обработанных текстах и влияющие на организацию фольклорного дискурса.

Цель диссертационной работы – исследовать современный песенный необрядовый фольклор как динамическую систему в когнитивно-дискурсивном аспекте: выявить когнитивные модели и специфику их текстового воплощения в песенном

фольклоре, определить коммуникативную значимость фольклорных дискурсивных характеристик в процессах функционирования в праздничном дискурсе.

В зоне исследования оказывается операционная структура концепта, характер моделирующих структур, способы моделирования и особенности реализации в эстетически оформленных текстах, его дискурсивное воплощение.

Указанная цель предполагает решение исследовательских задач:

- разработать многофакторную модель описания фольклорного и праздничного дискурсов;
- исследовать специфику фольклорного дискурса в миромоделирующем аспекте, то есть описать фрагмент дискурсивной картины мира, представленной в текстовом пространстве дискурса;
- определить специфику фольклорного концепта как дискурсивно обусловленного варианта общекультурного концепта и выявить базовые концепты, наиболее активно функционирующие в фольклорном дискурсе.
- охарактеризовать базовые концепты фольклорного дискурса в аспекте их фреймовой организации;
- разработать методологию концептуально-фреймового анализа фольклорного текста и на этой основе выявить природу спецификации фрейма в фольклоре;
- выявить особенности текстовой реализации концепта в зависимости от жанра;
- описать дискурсивное воплощение фольклора в репрезентирующем его праздничном дискурсе;
- проанализировать особенности функционирования и миромоделирующий потенциал фольклорных жанров в праздничном дискурсе.

Методологические основы исследования. Методологически важными для данной работы стали основные идеи когнитивной лингвистики, дискурс-анализа, фольклористики и лингвофольклористики – дисциплин, развивающихся в рамках функционализма.

- В основе описания языка фольклора как когнитивного механизма лежит одна из центральных идей когнитивной лингвистики, разрабатываемая в трудах зарубежных и отечественных исследователей: язык есть открытая, неавтономная система, состоящая из взаимозависимых единиц и взаимодействующая с другими когнитивными механизмами (К. Варела, Э. Ортони, Р. Солсо, W.L.Chafe, R.S. Jackendoff, G. Lakoff, Н.Н. Болдырев, В.З. Демьянков, Е.С. Кубрякова, З.И. Резанова и др.).
- Описание фольклора как специфического способа категоризации и концептуализации действительности, отражающего особенности национальной культуры, базируется на положениях, разработанных в трудах по когнитивной лингвистике и лингвокультурологии, посвященных проблемам моделирования, выявления и описания когнитивных структур и их языкового воплощения (Р. Лангакер, М. Минский, Л. Талми, Ч. Филлмор, Т.А. van Dijk, М. Johnson, Ю.Д. Апресян, А. Вежбицкая, С.Г. Воркачев, А.А. Зализняк, Е.С. Кубрякова, И.Б. Левонтина, Р.И. Павиленис, Ю.С. Степанов, И.А. Стернин, Е.В. Рахилина, З.И. Резанова, В.Н. Телия, Е.В. Урысон, А.Д Шмелев, Е.С. Яковлева и др.).
- Исследование фольклорной картины мира как функционального варианта этноязыковой картины мира, фольклора как типа коммуникации, обслуживающего ряд социальных практик, предлагающего сценарии коммуникативного пове-

дения, детерминированные нормами фольклорного коллектива, опирается на подходы, заданные в работах Л. Вайсгербера, В. ф. Гумбольдта, Э. Кассирера, А.А. Потебни, Э.Сепира, Б.Л. Уорфа и получившие развитие в трудах Н.Д. Арупоновой, Г.Д. Гачева, В.И. Постоваловой, Б.А. Серебренникова, Н.И. Толстого, С.М. Толстой, А.Т. Хроленко и др.

- Моделирование фольклорного концепта осуществляется нами с опорой на труды Н.Ф. Алиференко, Е.Г. Беляевской, Н.Н. Болдырева, С.Г. Воркачева, В.З. Демьянкова, Н.А. Красавского, В.В. Красных, Н.В. Крючковой, Е.С. Кубряковой, З.Д. Поповой, Е.А. Пименова, Е.В. Рахилиной, Ю.С. Степанова, И.А. Стернина, Л.О. Чернейко, Р.М. Фрумкиной и др.
- Описание фреймовой структуры концепта строится на фреймовой теории М. Минского, разрабатываемой в трудах Ч. Филлмора, Т.А. Дейка, Р. Богранда, В. Дреслера, Ф. Унгерера, А.Н. Баранова, Н.Н. Болдырева, Е.Г. Беляевской, Д.О. Добровольского, О.К. Ирисхановой, Ж.В. Никоновой и др.
- Моделирование фольклорного дискурса как формы речевого взаимодействия коммуникантов, выполняющих ряд дискурсивных ролей, участвующих в формировании фольклорной картины мира, осуществляется с опорой на работы по дискурсу-анализу М.Пешё, П. Серию, Л. Филиппа, М.В. Йоргенсена, М. Фуко, Н. Фэрклоу, В.З. Демьянкова, Е.С. Кубряковой, М.Л. Макарова, З.И. Резановой, К.Ф. Седова, И.В. Силантьева и др.
- Описание праздничного дискурса как репрезентанта фольклорного дискурса строится на идее о коммуникативном взаимодействии дискурсов, разработанной в исследованиях Н.В. Денисовой, Ф.Л. Косицкой, Е.А. Костяшиной, И.В. Силантьева, В.Е. Чернявской и др.).
- Понимание фольклора как сложного явления культуры, требующего комплексного анализа, как текста, выполняющего ряд специфических когнитивных, идеологических, социальных функций в повседневной деятельности коллектива основывается на работах С.Б. Адоньевой, К.А. Богданова, А. Ван-Геннепа, Л. Леви-Брюля, Б. Малиновского, В.Ф. Миллера, Б.Н. Путилова, Дж. Фрэзера, К.В.Чистова и др.).
- Интерпретация фольклорного текста как инвариантной структуры, получающей вариативное воплощение в конкретных коммуникативных ситуациях, основывается на положениях, разработанных П.Г. Богатыревым и Р.О. Якобсоном, учеными Московско-Тартусского семиотического круга - Вс.В. Ивановым, Ю.М. Лотманом, Е.М. Мелетинским, В.Н. Топоровым, Б.А. Успенским и др.
- В осмыслении языка фольклора как одной из форм национального языка, в анализе художественных возможностей фольклорного слова, фольклорного языкового кода мы следуем за Е.Б. Артеменко, М.А. Бобуновой, И.С. Климас, С.Е. Никитиной, Н.И. Толстым, А.Т. Хроленко и др.
- Моделирование праздничного дискурса осуществлялось нами с опорой на работы, посвященные анализу праздника в философском, социологическом, культурологическом, филологическом аспектах (М.М. Бахтин, С.Г. Леонтьева, Д.С. Лихачев, А.И. Мазаев, А.Б. Мороз, В.Я. Пропп и др.).

Методы исследования. Предмет и цель исследования обусловили формирование комплексной методологии, синтезирующей различные методы и приемы.

Для сбора материала нами были использованы полевые методы – включенное наблюдение и интервью-беседа, способы фиксации – аудио- и видеозаписи, рукописные записи в дневнике.

Лингвокогнитивный подход, представленный в работе, предполагает направление от анализа языковых единиц к репрезентируемым ими когнитивным структурам.

На разных этапах исследования нами были использованы методы концептуально-фреймового анализа, лингвистические приемы и методы, количественный подсчет, дискурс-анализ.

На первом этапе для выявления ключевых концептов были использованы методы концептуального анализа, структурно-семантические методы.

Методом сплошной выборки были выделены слова и словосочетания, репрезентирующие ключевые концепты. Количество репрезентантов было выявлено с помощью приема количественного подсчета, входящего в математический метод. При помощи компонентного анализа (структурно-семантический метод) и контекстного анализа нами были проанализированы значения слов-репрезентантов. Для уточнения содержания концепта в текстах был использован интерпретационный метод.

На втором этапе для реконструкции фреймового состава общекультурных и фольклорных концептов был использован фреймовый анализ: выявление общекультурных фреймов осуществлялось посредством моделирования инвариантной фреймовой структуры на основе компонентного и валентностного анализа их номинаторов с учётом широкого культурологического контекста.

Для выявления специфики фольклорного фрейма использовался тот же способ моделирования инвариантной фреймовой структуры и сравнительный метод, позволяющий сопоставить инварианты общекультурного и фольклорного фреймов, описать особенности последнего.

Анализ жанрового варианта фольклорного фрейма включал: а) выявление слотов фольклорных жанровых фреймовых структур; б) анализ вербального наполнения слотов фреймов с учётом жанровых особенностей, который осуществлялся с помощью текстологического и контекстуального анализа.

При помощи описанных методов и приемов был выявлен состав фольклорных фреймов, организующих базовые концепты «любовь» и «война», описана специфика их текстового воплощения.

При моделировании фольклорного и праздничного дискурсов, анализе коммуникативной роли выявленных когнитивных моделей использовался дискурс-анализ, включающий прием филологического анализа текстовой структуры, применяемый для выявления языковых особенностей текстов, социолингвистические методы, позволяющие соотнести языковые факты с детерминирующими их экстралингвистическими фактами, лингвокогнитивный метод, направленный на реконструкцию фрагмента дискурсивной картины мира.

На заключительном этапе исследования использовались метод моделирования и метод интроспекции для выявления роли миромоделирующей функции дискурсообразующих и недискурсообразующих фольклорных концептов.

Эмпирической базой исследования послужили фольклорные тексты как в устной, так и в письменной форме. *Устные* источники представлены записями ре-

чи носителей деревенского и городского фольклора, выполненными автором диссертационного исследования в 2003–2008 гг. (общей продолжительностью более 30 часов звучания и объемом более 200 страниц расшифрованного и распечатанного текста), студентами филологического факультета ТГУ во время прохождения фольклорной практики (продолжительностью 10 часов звучания и объемом более 100 страниц). Среди *письменных* источников – записи фольклорных текстов (объемом более 4500 страниц), сделанные студентами филологического факультета ТГУ во время летней фольклорной практики (середина XX в.– начало XXI в.), материалы электронной базы фольклора Среднего Приобья, созданной автором работы совместно с М.Е. Бохонной, Н.А. Мишанкиной, И.В. Тубаловой, а также записи куплетов, сделанные автором с 1984 г. по настоящее время.

Для реконструкции общефольклорных фреймов, структурирующих общекультурные концепты «любовь» и «война», нами использовались материалы диалектологических экспедиций, хранящихся на кафедре русского языка ТГУ, объемом более 6000 страниц, тексты, представленные в Национальном корпусе русского языка, сборники «Русская разговорная речь: Тексты» (М., 1978); «Русская деревня в рассказах ее жителей» (М., 2009), а также научные тексты (В. Соловьев, Н. Бердяев и др.), данные чатов: «Отель у Максима» (<http://www.max-club.ru>), «Netchab» (<http://netchab.ru>), «Беседы в песочнице» (<http://www.adv.ru>), «Чат волчат» (<http://volchat.ru/>); блогов «Городок» (<http://gorodokk.ru>); «livejournal» (<http://9.linbeauty.ru>); «Блогоника» (<http://blogonika.ru>); форумов «Hayastan» (<http://forum.hayastan.com>); «Русский язык для нас» (<http://www.rusforus.ru>); «Мама» (<http://mama.tomsk.ru>).

При моделировании праздничного дискурса нами использовались материалы видеозаписей праздников День пожилых людей (с. Турунтаево, Томская обл., 2004 г., с. Решеты, Новосибирская обл., 2008 г.), Юбилей народного коллектива «Ансамбль танца» (г. Томск, 2008 г.), 50-летие школы (г. Томск, 2007 г.), 70-летие И.К. Иткина (г. Томск, 1997 г.), 80-летие И.К. Иткина (г. Томск, 2007г.), Последний звонок (г. Томск, 2004 г.), Проводы в армию (с. Решеты, Новосибирская обл., 2009 г.), Свадьба (г. Киселевск, Кемеровская обл., 2004 г., с. Решеты, Новосибирская обл., 2010 г., г. Томск, 2010 г.), находящихся в личной коллекции автора.

Научная новизна исследования обусловлена выбором объекта исследования, материалами, на базе которых осуществлено исследование, и его основными научными результатами.

Новизна исследования состоит в реализации когнитивно-дискурсивного подхода к современному песенному фольклору, бытующему в деревенской и городской среде. В работе впервые разработана модель описания фольклорного и праздничного дискурсов с учетом их базовых характеристик, описана роль фольклорных жанров в моделировании праздничной дискурсивной картины мира. Впервые фольклорная картина мира представлена как дискурсивное образование, отражающее определенные когнитивные и коммуникативные модели, исследованы особенности миропредставления фольклорного коллектива, специфика дискурсивного поведения члена фольклорного коллектива. Впервые разработана типология фольклорных концептов на основе выполняемых функций в моделировании фольклорной картины мира. При помощи разработанной методологии концептуально-фреймового анализа описаны особенности жанрового миромоделирования

на материале песен, частушек, куплетов, выявлены дискурсообразующие, жанрообразующие и недискурсообразующие фольклорные концепты, обладающие различным уровнем представленности, описана специфика их функций в фольклорном тексте. Впервые на примере дискурсообразующих, жанрообразующих концептов «любовь» и «война» в их фреймовой организации выявлены особенности фольклорного миромоделирования в его категоризирующем, «поведенческом» аспектах, исследована специфика фольклорных когнитивных моделей по отношению к базовым инвариантным моделям, выявлена сущность их фольклорного дискурсивного воплощения.

Научная новизна исследования заключается также во включении в практику лингвистического анализа нового, ранее не описанного эмпирического материала – куплетов, функционирующих в хореографическом коллективе «Ансамбль танца» г. Томска.

Теоретическая значимость работы определяется вкладом настоящего исследования в развитие ряда научных направлений.

Выполненное исследование имеет значение для *когнитивной лингвистики*: исследование когнитивных структур, участвующих в моделировании фольклорной картины мира, выявление их миромоделирующего потенциала и специфика позволяет расширить и углубить представления о концептах, их национально-культурной обусловленности, поскольку в фокусе внимания оказывается концепт в его вариативном воплощении.

Разработанная методология когнитивно-дискурсивного описания фольклора вносит вклад в развитие *лингвофольклористики* и *фольклористики*, позволяя последней верифицировать сделанные ранее выводы.

Описание фольклорного и праздничного дискурсов как познавательных, коммуникативных, динамических систем, исследование междискурсивных взаимодействий вносит вклад в *теорию дискурса*.

Полученные в процессе исследования данные являются значимыми для *социолингвистики*, поскольку характеризуют социальную дифференциацию фольклора, его жанровый состав в отдельных субкультурах, современную ситуацию бытования фольклора, а также праздничную культуру в субкультурном преломлении.

Для *этнолингвистики* важными являются полученные данные о современном фольклоре, отражающем новый этап в развитии народной культуры.

Результаты описания фольклора и праздника как взаимодействующих форм осуществления культуры могут быть востребованы *лингвокультурологией*, теорией *интертекстуальности* и *интердискурсивности*.

Полученные и научно интерпретированные в диссертационном исследовании материалы имеют особое значение для *развития системы гуманитарного знания*. Корпус фольклорных текстов, проанализированный в работе, является источником для изучения динамических процессов, происходящих в русской культуре.

Практическая ценность: результаты диссертационного исследования могут быть применены в учебно-педагогической практике, в разработке теоретических курсов гуманитарного профиля: когнитивной семантики, дискурс-анализа, текстологии, жанрологии, устного народного творчества, лингвокультурологии, этнолингвистики, лингвофольклористики, в вузовских спецкурсах и спецсеминарах. Исследование фольклорного дискурса может быть использовано в обучении рус-

скому языку как иностранному, в системе среднего образования, в практике создания словаря фольклорных концептов, словаря-тезауруса языка фольклора.

На защиту вынесены следующие положения:

1. Фольклор как жизнеспособная система является частью актуальной культуры, представляя собой синкретическое образование жанров традиционного и современного фольклора. Современный фольклор в субкультурном преломлении отражает миропонимание определенного коллектива, его потребность в передаче опыта и общении, самоидентификации, эмоциональной сублимации, для него характерна традиционность, способность к развитию, заимствованию новых форм, включенность в другие дискурсы.

2. Фольклорный дискурс является особой формой коммуникации и мировидения, одновременно отражающей когнитивные и оценочные установки, режим коммуникации. Фольклорный мир моделируется как отдельное ментальное пространство, в процессе моделирования осуществляется когнитивное выделение отдельных объектов (в широком понимании), их структурирование. Фольклорное знание вербализуется при помощи языковых структур, имеющих дискурсивную детерминированность.

3. Фольклорная картина мира является дискурсивным вариантом русской общенациональной картины мира в рамках русского языка. Она отличается ограниченным количеством тем, закрепленностью системы оценок, а также типичностью поведения коммуникантов. Фольклорная картина мира обнаруживает своеобразное преломление инвариантных моделей, сформированных в русской этнокультуре, которые получили воплощение в языке фольклора. Она формируется особым типом коммуникации, обслуживающим ряд социальных практик, предлагающим сценарии коммуникативного поведения, детерминированные нормами фольклорного коллектива. Дискурсивная фольклорная картина мира представляет собой гипермодель, объединяющую разные субкультурно обусловленные фольклорные модели.

4. В разножанровых текстах народного творчества, представляющих единое образование, фольклорная картина мира реализуется в жанровых проекциях. Песня, частушка, куплеты – фольклорные жанры, представляющие типы культурно обусловленной интерпретации человеком мира, в которых отражается время, история, социально-культурные факторы, формирующие мироощущение.

5. Фольклорные концепты являются дискурсивными вариантами общекультурных концептов, отличающимися от концептов других дискурсов специфическим содержанием, обусловленным коллективными установками фольклорного социума. Фольклорные концепты неоднородны. В функциональном плане содержательно-тематическое ядро фольклорного дискурса составляют дискурсообразующие концепты, формирующие жанровую структуру дискурса. Недискурсообразующие концепты играют вспомогательную роль, выступая средством конкретизации дискурсообразующих концептов. Содержание фольклорных концептов жанрово варьируется. В песне концепты «любовь» и «война» представлены разноаспектно, отражая множественность интерпретаций данных категорий внутри фольклорного коллектива, в частушке – представлен один тип интерпретации.

6. Особенности реализации универсальных когнитивных структур в фольклоре заключаются в том, что фреймы структурируют ценностно значимое знание,

представляют компоненты типичных ситуаций, отношения между ними, передают коллективное мнение о них, что обусловлено эстетической природой фольклора. Фольклорный базисный фреймовый состав, структурирующий концепты «любовь» и «война» в песне и частушке, жанрово варьируется.

7. Слотам в песне, частушке, куплетах соответствует закрепленный состав языковых единиц, следовательно, любой фрейм может быть активирован посредством определенной вербальной единицы или структуры разными носителями фольклора, что способствует сохранению и передаче коллективного знания. Специфика вербального воплощения слотов обусловлена национальной, социальной принадлежностью, личностными предпочтениями автора-исполнителя.

8. Праздничный дискурс как составляющая национальной картины мира является индикатором социокультурных изменений, происходящих в обществе, фиксируя прежде всего эти изменения в текстах. Общенациональная модель праздничного дискурса получает вариативное воплощение в отдельных субкультурах, формирующих особую праздничную модель мира, воплощенную в жанровой системе, ее текстовом наполнении.

9. Фольклорный дискурс в современном коммуникативном пространстве активно взаимодействует с другими институциональными, персональными дискурсами. Частушка и куплеты участвуют в моделировании праздничной картины мира, способствуя реализации принявшего их дискурса.

Апробация работы. Основные положения диссертации прошли апробацию на конференциях различного уровня и тематики.

Международная конференция «Язык. Система. Личность» (Екатеринбург, 1998), Всероссийской конференции «Актуальные проблемы дериватологии, мотивологии, лексикографии» (Томск, 1998), XXII Дульзоновские чтения. Международная конференция (Томск, 2000), Всероссийская научная конференция: «Актуальные проблемы русистики» (Томск, 2001), VII Международная научная конференция молодых ученых, проводимая Институтом литературы им. Т.Г. Шевченко НАН Украины (Киев, 2004), Первый Всероссийский съезд фольклористов (Москва, 2005), Международная конференция «Язык и культура» (Томск, 2006), Международная конференция «Язык и культура в Евразийском пространстве» (Томск, 2007), «Международная конференция «Американские идеи в исследованиях сибирских ученых» (Томск, 2007), Всероссийская научная конференция «Прикладная филология: идеи, концепты, проекты» (Томск, 2008), Международная конференция «Концепт и культура» (Кемерово, 2008), Интернет-конференция «Лики советского в современной культуре» (2008), Международная научная конференция «Язык и культура» (Томск, 2008), семинар Томского отделения Российской ассоциации лингвистов-когнитологов (Томск, 2008), Международная конференция «Советская культура в современном социопро пространстве: трансформации и перспективы» (Екатеринбург, 2008), Всероссийская научная конференция «Исследование русской и мировой культуры в языке и тексте» (Томск, 2008), IX Международная научная конференция «Лингвистические и культурологические традиции и инновации» (Томск, 2009), «Когнитивные науки: междисциплинарное исследование мышления и интеллекта» (Томск, 2009), «Ностальгия по советскому в социокультурном контексте современной России» (Томск, 2010), Второй Всероссийский съезд фольклористов (Москва, 2010).

Базовые положения исследования представлены в 45 публикациях автора, в т.ч. 10 статьях, опубликованных в ведущих журналах, рекомендованных ВАК, одной монографии и разделах семи коллективных монографий.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во Введении определяются цели, задачи исследования, обосновывается его актуальность, новизна, теоретическая и практическая значимость, излагаются методы и приемы анализа, приводятся положения, выносимые на защиту.

ГЛАВА 1 «Когнитивно-дискурсивное описание фольклора» содержит описание основных этапов изучения фольклора и обоснование выбранного аспекта исследования.

Необходимость описания фольклорного дискурса (ФД) в когнитивно-дискурсивном аспекте продиктована логикой научного описания языка вообще и языка фольклора в частности, заключающейся в движении мысли от системного описания к исследованию особенностей функционирования языка.

Научное исследование и выработка его методологии может осуществляться только при условии анализа предшествующих достижений в этой научной области. Научные проблемы и пути их решения обуславливаются не только научными (сложность объекта, господствующая научная парадигма, место науки в кругу других), но и социальными, культурно-историческими факторами, влияющими на объект опосредованно через методологию и философские мировоззренческие установки.

В России заинтересованное отношение к фольклору проявлялось в периоды исторических социальных потрясений (становление государства, войны, реформирование государственной системы). Фольклор как часть народной культуры, истории народа был и остается базой для формирования и осознания национальной самобытности, для выявления особенностей русской ментальности, опорой в организации идеологических систем.

Именно поэтому логика развития фольклористических исследований не только была обусловлена логикой развития гуманитарной науки, но и тесно связана с общественно-политической, культурно-исторической ситуацией каждой эпохи, наложившей отпечаток на круг обсуждаемых научных проблем и методов их решения.

Филологическая фольклористика, как и другие гуманитарные науки, развивалась в рамках парадигмальных научных направлений, господствующих в определенную историческую эпоху. Она прошла путь от сравнительно-исторического направления до функционализма. На каждом этапе происходило накопление материала, шел поиск способов его описания, предпринимались попытки определить предмет и методы исследования, что обусловило формирование и сосуществование научных концепций, направлений, школ (мифологическая школа (Ф.И. Буслаев, А.Н. Афанасьев); школа заимствования (А.Н. Пыпин, А.Н. Веселовский); историческая школа (В.Ф. Миллер, Б.М. и Ю.М. Соколовы); психологическая школа (А.А. Потебня), этнографическое направление (Д.К. Зеленин), структурализм (В.Я. Пропп) и т.д.).

Лингвистические разработки, направленные на выявление особенностей языка фольклора, до 70-х гг. XX в. не имели статуса самостоятельных исследований, они носили вспомогательный характер. Как правило, факты языка фольклора привлекались в качестве иллюстративного материала отдельных теоретических положений лингвистики либо язык фольклора описывался как «материал» фольклорного произведения, как одна из особенностей его поэтики. В работах филологов XIX-XX вв. (А.Н. Веселовского, А.А. Потебни, П.Г. Богатырева и др.) отмечалась необходимость нового подхода к языку фольклора. Необходимость создания науки, объединяющей разрозненные наблюдения над языком фольклора, была ясно осознана лингвистами во второй половине XX в. Исследования П.Г. Богатырева, А.П. Евгеньевой, И.А. Осовецкого по истории языка, стилистике, диалектологии подготавливали появление науки о языке фольклора, исследователями были намечены центральные проблемы исследования языковой специфики фольклора: природа фольклорного языка, его особенности в сопоставлении с другими формами национального языка, взаимосвязь языка и фольклорной поэтики, диалектный и наддиалектный характер языка фольклора, фольклорная стилистика и др. Изучение фольклорного языка нуждалось в выработке методов, определении ключевых проблем исследования.

Термин «лингвофольклористика» был введен в науку А.Т. Хроленко. Он обосновал необходимость комплексного анализа языка фольклора, состоящего в изучении и выявлении места и функций языка в структуре фольклорного произведения при помощи лингвистических методов и методов фольклористики, и предложил название для данной дисциплины – лингвофольклористика.

Появившись в рамках фольклористики как наука о языке фольклора, к 90-м гг. XX в. лингвофольклористика оформилась в качестве самостоятельной лингвистической дисциплины, были определены ее предмет, методы исследования. Язык фольклора был осмыслен как одна из форм национального языка, описан в сравнении с другими формами национального языка с помощью лингвистических методов. Актуальные лингвистические вопросы: проблема слова, системное описание языка, связь языка и культуры и др. – находят решение и в лингвофольклористических исследованиях (работы Е.Б. Артеменко и ее учеников, С.Е. Никитиной, З.К. Тарланова и его коллег, А.Т. Хроленко и его школы).

Лингвофольклористика, развиваясь в логике гуманитарного знания, прошла путь от общезнаменательного к структуралистскому и функциональному анализу. На первом этапе в центре внимания исследователей была эстетическая природа фольклорного слова. Исследователями были описаны языковые единицы разных уровней, выявлены их конструктивные возможности в фольклорном тексте. На смену системному анализу языка фольклора пришло осознание необходимости вовлечения в описание широкого культурологического контекста. Лингвофольклористика превращается в лингвокультурологическую дисциплину, обращаясь к проблемам языковой личности в фольклоре, к исследованию этнического менталитета, когнитивных моделей [Хроленко, 1994; 2000; Черванева, Артеменко, 2004 и др.].

Лингвокультурологическое исследование языка фольклора на рубеже XX-XXI вв., аспектируясь, трансформируется в когнитивно-дискурсивное, представляющее закономерный этап развития лингвофольклористики, когда на смену исследованию репрезентации культуры приходит анализ репрезентации моделей мира, их актуализации в процессах коммуникации.

Исследование в когнитивно-дискурсивном аспекте языка фольклора является сложной задачей, это обусловлено неразработанностью модели описания ФД, недостаточной разработанностью анализа когнитивно-функциональных характеристик дискурса, выбором языковых данных, соотносящихся с экстралингвистическими данными, и др.

Когнитивно-дискурсивное описание современного фольклора представляет совмещение двух аспектов исследования: когнитивного и дискурсивного. Исследование языка фольклора *в когнитивном аспекте* выявляет связь знаний, заложенных в языке, с восприятием, познанием и мышлением фольклорного субъекта, а также выявляет особенности фольклорного восприятия и структурирования мира в виде разных когнитивных моделей. Взгляд на язык как когнитивный механизм, играющий роль в кодировании и трансформировании информации³, и есть угол зрения, определяющий объект данного исследования – язык фольклора как когнитивное явление, как миромоделирующая система, когниция в языковом воплощении.

Когнитивный анализ современного фольклора позволил выявить соотношение когнитивных структур современного народного сознания и репрезентирующих их языковых единиц, русскую общеславянскую концептуальную систему в ее субкультурной обусловленности.

Дискурсивное описание фольклора было подготовлено логикой развития науки о фольклоре: учет социальных, идеологических факторов, изучение нарративных стратегий в крестьянской и городской культурах, психоаналитический подход к фольклору, внимание к языковым структурам (работы С.Б. Адоньевой, А. Дандеса, С.Ю. Неклюдова, Б.Н. Путилова, Н.И. Толстого, К.В. Чистова и др.).

Сложность в описании ФД заключается в том, что он, занимая особое место в жизни коллектива и человека, являясь сложным по природе феноменом, не вписывается в разработанные современными исследователями дихотомии: институциональный/персональный; устный/письменный (о сложности типологизации дискурсов см. работы В.И. Карасика, К.Ф. Седова, И.В. Силантьева и др.).

При описании ФД необходимо учитывать, что он является особым способом коммуникации и мировидения, одновременно определяющим когнитивные и оценочные установки, режим коммуникации. Одним из основополагающих параметров при описании ФД становится дискурсивная картина мира как «динамическая подвижная система смыслов, формируемая в координируемых коммуникативных действиях адресантов и адресатов в соответствии с системой их ценностей и интересов, включенных в социальные практики»⁴. Фольклорная дискурсивная картина

³ Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова [и др.]. М., 1996.

⁴ Резанова З.И. Дискурсивные картины мира // Картины русского мира: современный медиадискурс. Томск, 2011. С. 15.

мира, воплощенная в фольклорных текстах, отличается ограниченным количеством тем, закреплённостью системы оценок, а также типичностью поведения коммуникантов.

ФД обладает институциональностью особой природы. «Особая» институциональность ФД определяет необходимость обратиться к проблеме типологии дискурсов (работы В.И. Карасика; А.А. Кибрика; М.Л. Макарова). Одним из основных критериев противопоставления дискурсов является категория формальности социальных отношений между коммуникантами, в рамках которой противопоставляются институциональный и неинституциональный дискурсы. Данная типология, предложенная В.И. Карасиком, оказалась востребована в отечественной лингвистике при описании институциональных дискурсов (научный, политический, педагогический, медицинский и др.), понимаемых как «речевое взаимодействие представителей социальных групп или институтов друг с другом, с людьми, реализующими свои статусно-ролевые возможности в рамках сложившихся общественных институтов, число которых определяется потребностями общества на конкретном этапе его развития»⁵. Однако в предложенную типологию не вписываются случаи коммуникации между членами социальных групп (субкультур), не связанных общественными институтами. На наш взгляд, точнее было бы говорить о дихотомии «индивидуальный – социальный» дискурс, внутри последнего выделяя институциональную и субкультурную разновидности. Предложенное членение позволяет описывать субкультурные дискурсы, в частности ФД, как особое образование.

В ФД члену коллектива предлагается алгоритм поведения в определенных типичных ситуациях, алгоритм переживаний определенных эмоциональных состояний. В ФД транслируются нормы и стандарты статусно-ролевого поведения в эстетически обработанных текстах ограниченного количества жанров, закреплённых за типичными коммуникативными ситуациями. Дискурс определяет когнитивные и ценностные установки, фиксируя бинарные отношения норма/ненорма, допустимое/недопустимое, благо/зло и т.п., предлагает особое мировидение.

Коммуникант в ФД одновременно выступает и как «носитель» определенной социальной роли (характерно для институционального дискурса), и как личность во всем богатстве своего внутреннего мира (что характерно для лично-ориентированного дискурса – бытийного типа).

ФД взаимодействует с бытовым дискурсом, обслуживая, в отличие от литературы, повседневные жизненные практики человека. Он как бы незримо постоянно присутствует в быту, пронизывает всю сферы жизни, актуализируясь в определенные моменты. Так, пословицы, поговорки, прибаутки и загадки используются в повседневной речевой практике, одновременно выполняя и функцию регламентации, апелляции к авторитетному источнику, выражения собственного я, и функцию «украшательства» речи: *«Я вот тебе, Юлечка, так скажу, мы с твоим папой много прошли, он-то по молодости уехал, где только не был ... Сначала интелесовались, мы же все отмечались, а потом «А где был, там нет, а где шел,*

⁵ Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М., 2004. С. 193.

там след». Также говорят, правильно же говорят...» (Решеты, Новосибирская обл.); - Слышали про часовой пояс? Скоро по Москве жить будем! – Меня вообще это бесит, так солнца не хватает, а теперь в темноте жить будем... - Проходили это уже ... частушку вспомнил: Время сдвинули на час, Суeta на глобусе. // Раньше он стоял в постели, А теперь в автобусе. (Томск).

Таким образом, ФД предстает как особого рода коммуникация, получающая материальное воплощение в ряде текстов, оформленных специфическими языковыми средствами и отражающих особую дискурсивную картину мира.

Для исследования фольклора в дискурсивном аспекте нами была разработана многофакторная модель, направленная на комплексное описание объекта, в которой учитываются 1) социально-культурные; 2) коммуникативные; 3) когнитивные; 4) языковые характеристики.

1) Социально-культурная характеристика фольклора предполагает выявление особенностей его функционирования, детерминированных социальным и гносеологическим контекстом его осуществления, процессами глобализации, предопределяющими, с одной стороны, унификацию культуры, с другой – стремление к национальной идентификации, особенностями постмодернистского сознания, влияющими на формирование фольклорного пространства. В настоящий момент ФД представляет сложное многослойное образование, включающее традиционные и недавно появившиеся жанры, произведения «третьей культуры». При многообразии вариантов ФД, общим является следующее: коллективность, анонимность, традиционность, особые способы миромоделирования, способность к развитию, заимствованию новых форм, включенность в другие дискурсы.

2) Своеобразие ФД проявляется в коммуникативных характеристиках: целях и стратегиях дискурса, участниках коммуникации, коммуникативной ситуации, жанрах дискурса.

Целью ФД является передача коллективного знания, стабилизирующего жизнь и участвующего в социализации индивидуума в данном национально-культурном коллективе, в данной социальной группе. Фольклор выполняет мировоззренческую, аксиологическую, нормативную, эстетическую, воспитательную, игровую функции. Он предоставляет социальной группе возможность самовыразиться, является средством общения. Коммуникативные ситуации, обслуживаемые фольклором, предполагают определенный репертуар фольклорных жанров, каждый из которых отличается особой организацией, способом миромоделирования. Песенный фольклор (песня и частушка), активно бытующий в настоящее время, является одним из интереснейших объектов описания, поскольку отражает мировоззренческие установки, структуры коллективного знания, обслуживает разные коммуникативные ситуации, взаимодействуя с другими типами дискурса.

3) Когнитивные установки определяют особенности построения фольклорных текстов, особенности языкового употребления. К ценностям ФД, определяемым его целью, мы относим традиционность знания, невыделенность личности из социума, идеальность модели мира.

4) Языковые характеристики дискурса детерминированы в первую очередь эстетической природой фольклора, а также вышеобозначенными особенностями

ФД. Проявление коннотативного символического компонента значения фольклорного слова жанрово обусловлено (работы Е.Б. Артеменко, А.Т. Хроленко, М.А. Бобуновой, И.С. Климас и др.). В современном фольклорном тексте языковые единицы в большей степени реализуют денотативное значение, в меньшей – символическое.

Когнитивно-дискурсивный анализ, предложенный в работе, позволяет описать современный фольклор как форму «низовой» культуры, способную к развитию и взаимодействующую с другими формами культуры.

В ГЛАВЕ 2 «Фольклор в когнитивном аспекте» представлены методологические основы исследования, рассматриваются дискуссионные вопросы когнитивной лингвистики, разрабатывается понятийный аппарат работы.

Анализ современного фольклора в когнитивном аспекте осуществляется нами в рамках теории миромоделирования. Взаимодействие языка и сознания активно обсуждается исследователями, анализирующими роль языка в конструировании разных моделей мира (работы Ю.Д. Апресяна, Н.Д. Арутюновой, А. Вежицкой, Р. Лангакера, И.Б. Левонтиной, Е.В. Рахилиной, Л. Талми, Е.В. Урысон, А. Ченки, А.Д. Шмелева, Картины русского мира: аксиология в языке и тексте, Логический анализ языка, Картины русского мира: образы языка в дискурсах и текстах и др.). Особого исследовательского внимания заслуживает часть языковой картина мира, которая воплощается в текстах, с учетом особенностей порождающего ее социокультурного контекста, т.е. дискурсивная картина мира.

Фольклорная картина мира, имеющая традицию фольклористического и лингвистического описания, с действительных позиций интерпретируется нами как функциональный вариант этноязыковой картины мира, в котором по-своему преломляются инвариантные этнокультурные модели. Она отражает тип коммуникации, реализующий определенные принятые в фольклорном коллективе сценарии коммуникативного поведения. Подобный подход позволяет выдвинуть предположение о том, что для фольклорной картины мира как дискурсивного образования принципиальными являются не только когнитивные, но и коммуникативные модели. Фольклорная картина мира создается членами фольклорного социума, каждый из которых обладает собственным стилем мышления, индивидуальной картиной мира, сформировавшимися в рамках национальной, а также коллективной фольклорной картины мира.

Фольклорная картина мира является органической составляющей ФД, и исследование особенностей ее формирования, организации позволяет выявить специфику ФД в целом. Фольклорная картина мира отличается от других дискурсивных вариантов этноязыковой картины мира наполнением аксиологической, семиотической и символической составляющих, концептуальной организацией. На наш взгляд, необходимо различать понимание фольклорной картины мира как статичной модели, которая содержит знания фольклорного социума, и фольклорной картины мира как дискурсивного образования, для которого принципиальным являются не только когнитивные, но и коммуникативные модели. Идея моделирования дискурсивных картин мира активно разрабатывается томскими исследователями (работы З.И. Резановой; Картины русского мира: современный медиадискурс,

2011 и др.). Вслед за З.И. Резановой, выделяющей базовые слои при описании дискурсивной картины мира, в фокусе нашего внимания оказываются дескриптивный, аксиологический, деятельностный и семиотический аспекты.

Анализ теоретических работ, посвященных описанию этноязыковых картин мира, позволяет говорить о доминировании в современных работах концептуального моделирования фрагментов той или иной картины мира. Одной из ключевых моделей представления информации является концепт в его фреймовой организации.

В нашем понимании *концепт является ментальным образованием, когнитивной структурой, представляющей целостное знание о явлениях действительности, ценностных, значимых для культуры/субкультуры/индивида.*

В исследовании концептов в отечественной лингвистике сложилось несколько исследовательских традиций, прежде всего лингвокогнитивная (работы Н.Н. Болдырева, В.З. Демьянкова, Е.С. Кубряковой, З.Д. Поповой, Е.В. Рахилиной, И.А. Стернина и др.) и лингвокультурологическая (работы С.Г. Воркачева, В.И. Карасика, Г.Г. Слышкина, Ю.С. Степанова и др.).

По нашему мнению, в практических исследованиях концепта в рамках того или другого направления сложно говорить о принципиальных отличиях. Оба направления путем применения разных способов вхождения в проблему, методов, фокусируя внимание на разных сторонах объекта исследования (специфическом/универсальном), оперируют одинаковыми ментальными образованиями и решают общую задачу: описание способов и путей постижения человеком окружающей действительности, моделирование человеческого знания в языке (работы Н.Ф. Алефиренко; С.Г. Воркачева; В.И. Карасика; В.В. Колесова; З.Д. Поповой, И.А. Стернина; Ю.С. Степанова и др.). Представители обоих направлений руководствуются сходными базовыми принципами, методологические их различия не явны, «...связаны не столько с общими задачами этих дисциплин – типологией и моделированием представления знаний в языке... – сколько с техникой выделения объекта и методикой его описания»⁶.

Однако при неясности отличий в подходах, все-таки можно говорить о некоторых положениях, отличающих лингвокогнитивное и лингвокультурологическое исследования. Они заключаются в теоретической установке: в сосредоточенности на отдельных сторонах концепта. Для лингвокультурологов концепт предстает как вербализованный культурный смысл, отличающийся этнокультурной спецификой. В центре внимания оказывается не функциональный аспект, а культурная значимость концепта.

Для лингвокогнитологов концепт – это способ хранения информации, позволяющий оперировать ею в процессе мышления и коммуникации, он является инструментом и продуктом структурирования смыслов, язык же – способ доступа к человеческому сознанию. Соответственно, главный акцент в исследованиях этого направления делается на психически-операционной стороне концепта.

⁶ Воркачев С. Г. Концепт как «энтимический» термин // Язык, сознание, коммуникация. М., 2003. Вып. 24. С. 6-7.

Таким образом, лингвокультурологический подход направлен на исследование концепта как совокупности представлений, существующих в этнокультуре, и способов их реализаций, а лингвокогнитивный – на изучение концепта как единицы ментальной сферы индивида.

В то же время в когнитивной лингвистике существует два направления: «операционное», изучающее различные форматы знания – концепты, фреймы, сценарии (работы Н.Н. Болдырева; Е.С. Кубряковой; М Минского и др.), и «интерпретативное», которое связано с изучением содержательной специфики и области применения единиц концептуальной системы (работы А.П. Бабушкина; Н.Н. Болдырева и др.). Отталкиваясь от идей А.П. Бабушкина, Н.Н. Болдырева, при моделировании содержательного своеобразия фольклорного концепта мы прибегаем к технологиям операционного направления, фрейм в нашей работе является средством структурирования фольклорного концепта.

Для нашего исследования принципиальным является совмещение данных лингвокогнитивного и лингвокультурологического подходов (при доминировании лингвокогнитивного) в силу самобытности, сложности фольклора. Лингвокогнитивный подход к фольклору позволяет выявить особенности фольклорного сознания, комплекс когнитивных структур коллективных знаний о себе и мире, представленных в языке, достаточный для самосохранения и саморазвития фольклора. Лингвокультурологический подход – описать фольклорный код, его вербальное воплощение в рамках национальной культуры, выявить своеобразие ценностной фольклорной картины мира в отношении национальной картины мира. Предметом нашего анализа оказывается фольклорный концепт, его фреймовая организация, особенности его дискурсивного воплощения.

На сегодняшний день фольклорные концепты являются достаточно изученными (И.С. Брилева; Т.И. Воронцова; Е.В. Филиппова и др.). Понятие «фольклорный концепт» (ФК) широко используется в исследованиях, посвященных описанию фрагментов фольклорной картины мира, начиная с конца 90-х гг. XX в. (С.Е. Никитина; А.Т. Хроленко; И.В. Тубалова; Ю.А. Эмер и др.). Исследователи, используя разные методы, обращаются к описанию концептов, концептосфер отдельных жанров (поговорки [Маркелова 2004], сказки [Алещенко 2008], духовных стихов и свадебных песен [Никитина 1996; Казнина 2004 и др.], к выявлению особенностей концептов фольклорного текста [Бухарова 2009; Бунчук 2003 и др.]. Общим для работ является приоритетность лингвокультурологического анализа фольклорной концептосферы. Как правило, исследователи определяют концепт вслед за Ю.С. Степановым, В.И. Карасиком, делая акцент на ценностной составляющей, и рассматривают концепты как фрагменты фольклорной картины мира. При разнице используемых методик описания, нюансов в понимании и трактовке ФК исследователи сходятся во мнении, что ФК «имеет ряд особенностей, которые, не отрицая его связи с концептом вообще, ставят, тем не менее, его на качественно иную ступень. Они обусловлены спецификой фольклора как такового...»⁷.

⁷ Алещенко Е. И. Этноязыковая картина мира в текстах русского фольклора (на материале народной сказки) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2008. С. 11.

В нашей работе *ФК* трактуется как *дискурсивный вариант общекультурного концепта*; он есть фрагмент дискурсивной фольклорной картины мира, которая, в свою очередь, является составляющей этноязыковой картины мира.

Отражая коллективные ценностные установки, *ФД* в художественной форме представляет обобщенное знание стереотипных бытовых и бытийных ситуаций, в фокусе внимания фольклорного коллектива оказываются ценностно значимые события (в широком понимании). Именно поэтому в инодискурсивной среде *ФК* сохраняют и актуализируют свое содержание, создавая «фольклорный субдискурс». Говорящий может отсылать к «конкретному» фольклорному содержанию, апеллируя к фольклорному, стилизованному под фольклорный текст, либо отсылка происходит на уровне обобщений (как *говорится*, как *в песне поется*, *правильно говорят* и др.). Так, в *ФД* концепт «семья» представлен и как социальная иерархизированная структура фольклорного коллектива, и как личное пространство человека. Как правило, содержание концепта раскрывается через апелляцию к хозяйственно-экономической, эмоциональной, психологической сферам. В фокусе внимания оказываются отношения старшего и младшего поколения в семье (в частности, вхождение женщины в семью мужа, отношения тещи и зятя), а также супружеские отношения. Модель идеальной семьи выстраивается через описание дисгармоничных ситуаций: неприятие снохи свекровью и другими родственниками мужа, недовольство тещи зятем, унижение жены мужем, пьянство и др.: *Ага. «Я за водой иду, как головушка гуду, а с водой иду – прислухаюся», чо говорят. Да. «Свекор говорит: «Ни состряпать, ни сварить»». Да. «А свекруха говорит: «Ни покраить, ни пошить»». Плохая сноха. Да. «А золовка говорит: «Лишь по улицам ходить». А деверь говорит...», ну братья яво, сестра и брат яво, а: «нужно голову набить»». Да. (Национальный корпус русского языка).*

Часто обсуждение одной из вышеперечисленных ситуаций в бытовом дискурсе влечет актуализацию такого же содержания, как и у *ФК* (в данном случае – концепта «семья»). При этом говорящий может не только обращаться к фольклорному тексту, апеллируя к нему как авторитетному источнику, но и актуализировать фольклорное содержание без привлечения фольклорной формы: 1. - *Сегодня опять мой с мамой поцапались... - По поводу? – Как обычно, моя дочь достойна лучшей доли? – А он? – Как в том анекдоте: Ума у меня нет, денег нет, и дочь Ваша могла бы гораздо лучше замуж выйти!»... (телефонный разговор, Томск).* 2. *А правда, у нас врач, он лет тридцать тут работает, он и говорит: «Баба, я теперь буду рыкомендовать: родила — бей сразу на месте. Бей на месте». Я говорю: «Да вот надо было». Это мужик: «Ой, Саня, эжель только ты сделаешь чаво, я брошу тебя тогда. Роди, роди, это капитал, капитал». Ну правильно, есть дети — на ноги постановють, а есть — с ног сволють. Пословица старая так говорит: есть на ноги постановють дети, а есть — с ног сволють. Вот старые люди, говорят, дураки. Да они хуть неграмотные, но они умные⁸. В первом примере обращение к анекдоту позволяет подчеркнуть стереотипность, анормативность описываемой ситуации, с одной стороны, с другой – избежать об-*

⁸ Континент. 2004. № 119.

суждения действий мужа, переведя данную конкретную ситуацию в «бытийный» план, отсылая слушающего к прецедентной ситуации анекдота при помощи формулы: *как в том анекдоте*. Во втором примере говорящий обращается к пословице как авторитетному источнику, сигнализируя слушающему (при помощи лексических единиц *правильно, пословица старая*), что он передает в речи коллективное мнение, которое разделяет. Приведенные примеры подтверждают наше положение о том, что ФК как особый тип концепта может актуализироваться в некоторых коммуникативных ситуациях, актуализируя ФД как содержательно, так и формально.

ФК отличается от других дискурсивно обусловленных вариантов общекультурного концепта, в первую очередь, *миромоделирующим потенциалом* (он направлен на трансляцию фольклорного представления о мире). Отличия проявляются и в *структуре концепта*, прежде всего в ценностном и образном компонентах (работы Е.И. Алещенко). ФК отличается от других дискурсивных вариантов *большой стабильностью содержания*. Сохраняя коллективное знание, аксиологические установки этноса, ФК является скрепой, основой национальной картины мира. Однако, несмотря на присущую ему стабильность, в фольклорном концепте присутствуют элементы динамизма, обусловленные временными изменениями. Его изменения связаны с изменением общественного, следовательно, и фольклорного сознания, ценностной системы общества. Изменение фольклорного сознания проявляется в трансформации концептуального содержания концепта, а также в актуализации, формировании новых, ранее не свойственных ФД, концептов.

Содержание ФК обусловлено не только дискурсивными, но и жанровыми установками. Так, например, в частушках и песнях в силу жанровых особенностей в фокусе внимания оказываются разные грани концепта «семья». Так, образ родителей в семейных песнях идеализируется, как и вся жизнь девушки в отчем доме до замужества (*Во большой семье / У нас была, куда хотела ходила, / У свекровки будешь, / Куда захочешь не пойдешь. / Родная мамка ранюсеньки не взбудит / И, вышедши на улицу, не обсудит*). В большинстве частушек родители как олицетворение дома выступают в качестве ограничителя свободы девушки (*Меня дома бьют, ругают, / Велят милого забыть. / Выйду в сенички, поплачу, / Но по-ихнему не быть*). При этом образ матери безотносительно к образу дома несет положительную оценку, гармоничное начало (*Ой, спасибо тебе, мама, / Что веселу родила. / Хоть и горе – не беда, / Я веселая всегда!*).

С точки зрения степени участия в организации дискурсивного пространства в плане предметного содержания ФК нами разделены на дискурсообразующие и недискурсообразующие фольклорные концепты.

Дискурсообразующий фольклорный концепт – это концепт, отражающий ценностно значимые категории для данного фольклорного коллектива, выражающий потребности члена этого коллектива, ради удовлетворения которых создается данный дискурс.

Он обозначает социальные, идеологические ценности, отражает ценностные установки ФД, активно рефлексивируется коллективом и маркирован особым кодом.

В ФД данный концепт получает своеобразное, отличное от других дискурсов, смысловое наполнение.

Дискурсообразующие концепты составляют содержательно-тематическое ядро дискурса, формируют его жанровую структуру.

Анализ показал, что в фольклорной картине мира количество дискурсообразующих концептов ограничено: *любовь, семья, война, труд, власть*. Однако не вызывает сомнения, что данное перечисление не является законченным, поскольку фольклор как часть актуальной культуры развивается, и могут появиться новые концепты (например, происходит концептуализация понятия «Интернет» в смеховых жанрах современного фольклора).

Дискурсообразующие концепты «эксплуатируются» текстом, который строится на раскрытии этого концепта (например, любовные песни, частушки о войне), соответствуют «теме обсуждения» в нем.

Данные концепты взаимодействуют, вступая в сопоставительные и оппозиционные отношения с другими ФК. Так, концепт «любовь» и концепт «война» взаимопересекаются в любовных и военных песнях. Концепт «труд» взаимодействует с концептами «война», «семья», «любовь».

Недискурсообразующий фольклорный концепт – это концепт, играющий вспомогательную роль, он направлен на раскрытие содержания дискурсообразующего концепта, являясь его «отраженным светом».

Он так же функционирует в фольклорной дискурсивной картине мира, «фольклорно» нагружен, взаимодействует с дискурсообразующими концептами, репрезентирующими фольклорные ценности: получает символическое наполнение именно в фольклорных текстах, взаимодействуя с дискурсообразующими концептами. Поскольку роль недискурсообразующих концептов – подчинительная, фреймы, структурирующие их, «встраиваются» во фреймовую структуру дискурсообразующих концептов, актуализируя часть своего концептуального содержания, которое непосредственно связано с содержанием фрейма, представляющего дискурсообразующий концепт. На наш взгляд, можно говорить о перетекаемости фреймов дискурсообразующих и недискурсообразующих концептов, поскольку текстовая реализация фрейма дискурсообразующего концепта невозможна без актуализации содержания, заключенного во фреймовой структуре недискурсообразующего концепта.

Например, в дискурсообразующем концепте «семья» фрейм «убийство» взаимодействует с фреймами «убийство» недискурсообразующих концептов «лес», «море», так как в фольклоре убийство происходит, как правило, в «чужом» пространстве: *Речка журчала легонько волнистая, / Лес будто что-то шептал. / В этот миг мы сидели / В объятиях с милой / И слушали песнь соловья... Я вынул тогда из кармана / Свой черненький новый наган. / И тут случилось ужасная драма./ По сердцу прошел ураган.*

Недискурсообразующие концепты, как правило, обозначают явления пространственно-временной сферы, реже – вещественный мир, окружающий человека, а также физическое и ментально-эмоциональное состояние: «лес», «море», «город», «письмо», «тоска» и др.

Любой ФК (и дискурсообразующий, и недискурсообразующий) получает своеобразное воплощение в том или ином фольклорном жанре. Соответственно, можно говорить о жанрообразующих концептах (по аналогии с дискурсообразующими). Дискурсообразующие концепты становятся базовыми для того или иного жанра, организуют жанровое пространство. При этом один и тот же концепт может быть жанрообразующим для нескольких жанров, в зависимости от установок жанра он актуализирует в них разное содержание, жанрово варьируясь. Жанрово варьируется содержание и недискурсообразующих концептов.

Мы полагаем, что концепт структурируется совокупностью фреймов, представляющих типичные динамические ситуации его актуализации. В фольклорном сознании концепт предстает через типовые ситуации. Так, концепт «любовь» в песенном фольклоре представлен фреймами «выбор возлюбленного/возлюбленной», «встреча», «ухаживание (начало отношений)», «забота о любимом», «разлука», «ревность», «убийство», «смерть», «ссора», «измена», «побой», «прощение». ФК в лингвокогнитивном аспекте структурируется нами с опорой на понятие фольклорных фреймов, что позволяет выявить особенности реализации универсальных когнитивных структур в фольклоре.

В нашем понимании *фрейм* – ментальная единица, иерархически организованная, моделирующая определенный фрагмент действительности, представляющая культурно обусловленное коллективное знание, репрезентированная в системе языка, получающая воплощение в тексте.

Фольклорные фреймы – структурированное знание о типичной ситуации, культурно-обусловленное, общее для фольклорного коллектива. Они обладают национально специфичной формой организации и особыми способами выражения в дискурсе. Фольклорный фрейм как иерархическая структура включает ряд субфреймов – упорядоченных элементов. Субфреймы имеют набор слотов – смысловых узлов, элементов ситуации, которые связаны между собой. Один фрейм и слоты одного фрейма/субфрейма могут обладать разной степенью дробности и выделяемости, один слот может представлять один из отдельных фреймов недискурсообразующего концепта (подробнее в гл. 3).

Фольклорные фреймы жанрово варьируются. Жанровый вариант фрейма – ментальная структура, в которой отражаются жанрово детерминированные представления о ситуации, модели поведения в ней. Его отличает жанрово обусловленная фокусировка фольклорного фрейма: субфреймовый состав (например, в песне фрейм «разлука» включает субфреймы «расставание», «переживание разлуки», «последствия разлуки», в частушке – субфрейм «переживание разлуки»), актуализация определенных слотов (например, в песне слот «люкс» имеет определяющее значение, в частушке данный слот факультативен), особое вербальное воплощение слотов (например, слот «герой» во фреймах «ссора», «измена», «встреча» только в частушке вербализуется при помощи лексем *миленочек*, *ягодиночка*, *миленок*, *матаня*).

Жанровый вариант фрейма получает вариативное текстовое наполнение, поскольку тексты представляют частичное, вариативное воплощение жанровой модели. Например, в частушке переживание разлуки героиней передается с помо-

щью глаголов, обозначающих физические действия часто аномативного характера, ментально-эмоциональные реакции: *Не успела я на линию / Железа набросать./ Увезла машина милого, / Два года не видать // Мой миленочек уехал, / Не оставил ничего, / Только на сердце кручинушку – / Страдай через него.*

Фольклорные фреймы есть не только смысловые комплексы, детерминированные социокультурным контекстом, но и оценочные комплексы, модели восприятия, отражающие стереотипные оценки фольклорного коллектива. Модальная рамка, обрамляющая фрейм, обусловленная тематикой, содержанием фольклора как формы культуры, в реферируемом исследовании определяется как внешняя модальная рамка, отражающая оценку фольклорным коллективом ситуации. При этом любая ситуация, как мы отмечали выше, получает специфическое жанровое воплощение, поэтому мы можем говорить о внутренней модальной рамке, детерминированной конкретным жанром и его содержанием. При общности внешней модальной рамки внутренняя модальная рамка в жанрах в зависимости от фрейма может совпадать или различаться. Так, в песне и частушке внешняя модальная рамка фрейма «измена» совпадает: коллектив отрицательно оценивает ситуацию измены, а внутренняя модальная рамка отличается: в песне – деструктивные действия героя, узнавшего об измене, при сочувствии к нему, оцениваются отрицательно, поскольку он теряет контроль над собой и преступает общепринятые нормы, в частушке – деструктивные действия героини оцениваются нейтрально, поскольку жанровые установки частушки – игровое, карнавальное начало, «переворачивание» нормы – допускают аномативные действия героев.

В работе выстроена вертикальная разноуровневая модель ФК: он является дискурсивным вариантом общекультурного концепта. Фольклорные фреймы, структурирующие концепты, предстают в каждом жанре в одном из своих вариантов, получающих своеобразное воплощение в текстах этого жанра. Описание такого набора фреймов позволяет выявить миромоделирующий потенциал ФК в жанровом воплощении, выявить общность и специфичность жанровых когнитивных установок.

В центре ГЛАВЫ 3 «Миромоделирование в песне и частушке» находится исследование глубинных когнитивных структур, общих для песенного фольклора.

Проблема миромоделирования активно разрабатывается в когнитивно-дискурсивных исследованиях, описывающих фрагменты языковой картины мира на материале разных языков, социальных диалектов, идиолектов и т.д. (работы Н.А. Мишанкиной, З.И. Резановой, Е.С. Яковлевой и др.). Этнокультура в посвященных этой проблематике работах предстает как совокупность субкультурных вариантов. Общекультурная картина мира варьируется в каждой из субкультур, отражая особенности субкультурно обусловленного типа мышления. В нашей работе фольклорная картина мира рассмотрена как вариант общекультурной картины мира, описаны фольклорные когнитивные модели как дискурсивные варианты базовых общекультурных моделей, показано взаимодействие логических и речевых структур.

Описание концептов «любовь» и «война» позволило выявить специфику фольклорного дискурсивно обусловленного осмысления и представления данных

категорий. Выбор указанных концептов определен тем, что они относятся к разным сферам, принципиально важным для фольклорного коллектива: если любовь представляет эмоциональную сферу человека, то война – общественно-политическую, при этом в фольклоре «любовь» и «война» тесно взаимодействуют, поскольку общественно важные события получают осмысление через личностную сферу. Описание данных концептов обнаружило особенности мировосприятия фольклорным коллективом разных категорий действительности.

Данные концепты, являясь базовыми для фольклора и культуры в целом, предстают как дуальные образования через системы схожих бинарных оппозиций: добро/зло, жизнь/смерть, по-разному репрезентируя их.

Каждый из дискурсообразующих, жанрообразующих концептов может быть представлен через ряд динамических ситуаций, существующих как стереотипные схемы, ассоциирующиеся в фольклорном сознании с любовью и войной. Данные ментальные модели обобщают жизненный опыт фольклорного коллектива. Прототипичность данных ситуаций проявляется в эстетически обработанных текстах и интерпретируется нами в когнитивной традиции.

В данном исследовании мы не ставили задачу дать всеобъемлющее описание концептов «любовь» и «война», охарактеризовав всю систему фреймов, представляющих концепт. Важным было доказать, что разработанная концептуально-фреймовая модель описания позволяет выявить дискурсивное и жанровое варьирование, осуществляемое уже на уровне глубинных когнитивных структур, которые получают своеобразную жанрово обусловленную текстовую репрезентацию. Так, в *песенном фольклоре* концепт «любовь» структурируется фреймами, дающими разноаспектную характеристику чувства: «встреча», «разлука», «ревность» «убийство», «смерть», «ссора», «измена», «начало отношений (ухаживание)», «расставание – разрыв отношений». Сам выбор этих ситуаций аксиологически важен: преобладание аномативных ситуаций позволяет через описание социально неприемлемого поведения доказать преимущества «правильных» гармоничных отношений, представить этические оценки фольклорного коллектива, смоделировать «идеальную» фольклорную картину мира. Отметим, что перечисленные фреймы находятся в отношениях пересечения, взаимодополнительности. Однако по «востребованности» рефлексий фрейм «измена» занимает ведущее место в песне и частушке, поскольку демонстрирует «крайнее» проявление человеческих эмоций и чувств, чем в первую очередь и объясняется наше обращение к данному фрейму. К тому же, измена есть понятие социальное, сценарий ее восприятия, спектр возможных реакций, отношений формируется окружающим социумом, прежде всего моралью, этикой, искусством, в том числе и фольклором, поэтому при моделировании любовных межличностных отношений в фольклорной картине мира измена становится «концептообразующим» фреймом, анализ которого позволил выявить ценностные приоритеты фольклорного социума.

Фольклорный фрейм «измена» в песне и частушке представлен жанровыми вариантами фрейма, в которых варьируется ролевая структура фреймов, слоты, их культурно обусловленное текстовое наполнение.

Песня	Частушка
<i>Субфрейм «Ситуация измены»</i>	<i>Субфрейм «Ситуация измены»</i>
S (герой/героиня) <i>Милый, красавица, красотка, жена</i>	S (герой) <i>Милый, миленок, матаня, дроля, ягодиночка</i>
P (изменяет)	P (изменяет)
O - возлюбленный/возлюбленная <i>Казак, солдат, охотник, мальчишка, девчоночка</i>	O - возлюбленный/возлюбленная <i>Я, молоденька девчоночка, девчоночка</i>
с O-1 (соперником/соперницей) <i>Чужой муж, сын рыбака, красавица, другая, она</i>	с O-1 (соперницей) <i>Соперница, сопера, подруга, подружка</i>
в L (своем/чужом пространстве) <i>Дальняя сторонка, город, дом</i>	в L (своем/чужом пространстве) <i>Крым, Москва, город</i>
Песня	Частушка
<i>Субфрейм «известие об измене»</i>	<i>Субфрейм «известие об измене»</i>
S-1 (вестник) <i>Цыганка, старушка, родитель, письмо</i>	
P-1 (встречает)	
в L (своем/чужом пространстве) <i>Лес, дорога, дом</i>	
O-2 (обманутого возлюбленного) <i>Казак, солдат, охотник, мальчишка, девчоночка</i>	
P-2 (сообщает)	
Об O-3 (измене)	
Песня	Частушка
<i>Субфрейм «реакция на измену»</i>	<i>Субфрейм «реакция на измену»</i>
S-3 (обманутый возлюбленный) <i>Казак, солдат, охотник, мальчишка, девчоночка</i>	S-3 (обманутый возлюбленный) <i>Я, девчонка, молода девчоночка</i>
P-3 (реагирует) <i>Убивает, кончает жизнь самоубийством, смиряется, плачет, упрекает, проклинает, жалуется</i>	P-1 (реагирует) <i>Избивает, оскорбляет, угрожает, упрекает, проклинает, предупреждает, Жалуется</i>
На O-4 (измену)	на O-2 (измену)

1. В песне общенародные фреймы, структурирующие концепт «любовь», представляют полипропозитивную структуру, состоящую из трех и более субфреймов. Для песенных фреймов характерна переструктуризация общенародных фреймов таким образом, чтобы в одном из субфреймов субъектом был представитель фольклорного коллектива – внешний по отношению к описываемой ситуации, а в другом – участник ситуации. Жанровая организация песни, ее назначение – представить модель гармоничного мира через изображение аномативной ситуации, отразив коллективное отношение к происходящему, показать чувства и эмоции героев как типичных представителей фольклорного социума – предполагает подробное описание ситуаций в разных ракурсах. Так, в песне обязательными слотами субфрейма «сообщение об измене» (фрейм «измена») являются «вестник» и «локатив», которые переструктурируют общенародный фрейм, причем активную позицию занимают «вестник» и «обманутый возлюблен-

ный/возлюбленная». Именно поэтому в роли субъекта оказываются и изменщик/изменщица, и вестник, и обманутый возлюбленный/возлюбленная. Конфликт героя с предавшей возлюбленной и его разрешение, а также (насколько это возможно в фольклорном варианте) внутренний конфликт обманутого возлюбленного/возлюбленной и составляют содержание сюжета песни. Он реализуется в рамках «истории» героя. Основным фактором, организующим песенное повествование, является герой, его поведение в экстремальной ситуации, оценка которого находится во внутренней модальной рамке.

В частушке общефольклорные фреймы, как правило, состоят из двух субфреймов: «ситуация» и «реакция героини/героя». В силу жанровой специфики частушки: малый объем, карнавальное начало – общефольклорные фреймы предстают в «свернутом» виде, активными субъектами являются участники «любовного треугольника», на первый план выходит внешний конфликт, в фокусе внимания – реакция героини. Так, общефольклорный фрейм «измена» состоит из двух субфреймов – «ситуация измены» и «реакция на измену обманутой возлюбленной», последний получает развернутое текстовое воплощение. Если внешняя модальная рамка в частушке и песне совпадает, внутренняя модальная рамка содержит нейтральную оценку действий героини.

2. Отличия фреймовых структур в песне и частушке проявляются в наполнении субфреймов, например, субфрейма «реакция героя/героини». В песне представлено разнообразие возможных реакций в зависимости от типа героя (эмоциональные, физические, вербальные), в частушке же, где героиня – независимая девушка, спектр реакций ограничен, преобладает вербальная реакция на события, отражающая отношение героини к ситуации. Отличие в типе реакции героев обуславливает взаимодействие данных фреймов с разными недискурсообразующими концептами, в песне – преимущественно с пространственными концептами, в частушке – с концептом «речь».

3. В песне важную роль в организации фрейма играют недискурсообразующие пространственные концепты. Основу развертывания фрейма на сюжетном уровне образует оппозиция «свое» – «чужое», получающая выражение в описании предательства героя (героини) возлюбленной (возлюбленным), отъезда героя, его смерти.

В ситуации встречи, измены, разлуки, расставания, убийства, смерти через ряд действий героя, через пространственно-временные границы раскрывается его эмоциональный мир. Пространство во многом определяет действия и характеристики других персонажей, например, вестника, соперника, подруги и др.

В частушке же слот «локатив» факультативен. При этом наблюдается тесное взаимодействие с другим недискурсообразующим концептом – концептом «речь».

4. При общности слотов песенных и частушечных фреймов их текстовая реализация оказывается разной, в первую очередь это касается слотов «герой», «героиня», «локатив». В песне слоты «герой» и «героиня» получают вербальное выражение при помощи достаточно большого круга лексем, номинирующих героев по социальной функции, личностно-социальной роли, возрасту, внешним характеристикам. Так, слот «обманутый возлюбленный/возлюбленная» в песне вербализуется при помощи лексем, номинирующих героя по социальной функции: *солдат, казак, охотник*, возрасту: *мальчишка, девчоночка, девчонка*, лексемы называют

разные типы личности, относящиеся к разным группам внутри фольклорного коллектива, для которых свойственны разные модели поведения и реакции на измену.

В частушке для номинации героев используется ограниченный круг лексем: *дрюля, милый, миленок, матаня, ягодиночка*, герой/героиня номинируются по личностно-социальной роли. В данном жанре слот «обманутая возлюбленная» получает принципиально иное наполнение: иная реакция на измену и модели поведения, так как тип героини – независимая молодая девушка. Такая модель культурно и жанрово обусловлено.

Если в песне слот «локатив» оказывается обязательным для всех фреймов, структурирующих концепт «любовь», то в частушке он факультативен.

Слот «*локатив*» в песне выполняет организующую роль, основными лексическими единицами являются *лес, поле, река, море, сад, город*, обозначающие «чужое» и «нейтральное» пространство.

В частушке слот «локатив» факультативен, имеет иное текстовое наполнение (*город, Крым, Москва*), лексемы также обозначают «чужое» пространство, однако номинации конкретного локуса «снижают» символическое наполнение оппозиции «свое/чужое», за счет актуализации семы «далекий» в фокусе оказывается абсурдность описываемой ситуации.

Внутренняя модальная рамка, общая для песни и частушки, получает выражение при помощи жанрово детерминированных средств. Модальная рамка выражается при помощи сюжетных ходов, событийной канвы, типов героев, которые оказываются разными в песне и частушке в силу своеобразия жанра. Отрицательная оценка эксплицируется лексическими средствами, номинирующими героев, их действия, пространство. Для песни и частушки они оказываются разными: в песне важен как личностный, так и общественно-социальный статус героя, формирующий отношение к нему фольклорного коллектива. В частушке же в фокусе внимания находится личностно-социальный статус, следовательно, оценивается поведение героя не как представителя определенной группы, что способствует «бытийному» осмыслению конфликта, а как отдельного индивидуума, при этом проблема межличностных отношений освещается на «бытовом» уровне.

Концепт «любовь» реконструирован нами на материале песенного фольклора. Любовь – ментальная сущность, абстрактная категория – осмысливается в фольклоре через ряд конкретных личностно-типичных ситуаций, в которых проявляется чувство. Любовь предстает в своей амбивалентности: она приносит не только радость (фреймы «встреча», «начало отношений (ухаживание)»), но заставляет переживать негативные эмоции (фреймы «ревность», «измена», «разлука», «ссора», «убийство», «смерть»). В фольклоре любовь представлена событийно в своем развитии: от начала любовных отношений до их разрыва, в отдельном тексте в центре повествования оказывается один из этапов развития, «протекания» чувства. Количественно преобладают тексты, посвященные несчастной любви, поскольку именно через изображение аномативных ситуаций в фольклоре создается идеальная модель мира. Любовь в фольклоре получает амбивалентную аксиологическую оценку: с одной стороны – это чувство оценивается положительно, оно является «обязательной» гармонизирующей эмоцией, переживаемой человеком, с другой – она приносит страдания, провоцирует человека на необдуманные поступки, нарушающие морально-этические нормы. Объект любви изначально имеет положи-

тельную оценку, что мотивирует эмоционально-ментальные действия влюбленного, дальнейшая оценка зависит от его действий в описываемой ситуации.

Концепт «война» как абстрактная сущность, относящаяся к общественно-политической сфере, в песенном фольклоре репрезентируется ситуациями, отражающими межличностные отношения. Концепт «война» структурируется фреймами «проводы», «разлука» «прощание», «испытание возлюбленной», «возвращение», «бой», «подвиг», «ранение», «смерть», «потеря близкого человека», «ожидание с войны», «работа в тылу». Фрейм «потеря близкого человека», находящийся в фокусе нашего внимания, занимает особое положение в системе фреймов, структурирующих концепт «война». Если в остальных фреймах в центре внимания оказывается событие, связанное с войной, а реакция героя/героини обязательно присутствует как составляющая этого события, то в данном фрейме акцент делается как раз на переживании потери близкого человека, остальные же субфреймы редуцируются.

Осмысление войны, отрицательная оценка представлены с позиции человека и как представителя нации, и как отдельной личности. В центре внимания оказываются события и чувства, переживаемые человеком как на поле боя (фреймы «бой», «ранение», «подвиг»), так и вне военных действий («проводы», «разлука» «прощание», «испытание возлюбленной», «возвращение», «потеря близкого человека», «ожидание с войны», «работа в тылу»). Представленный спектр ситуаций позволяет выявить проблемное поле осмысления войны народным сознанием, актуальными темами обсуждения являются адаптация воина к мирной жизни, судьба воина-инвалида, предательство возлюбленной, потеря близких. Герой-воин априорно оценивается положительно, в отличие от возлюбленной, действия которой могут оцениваться отрицательно, если она нарушает общепринятые нормы поведения. Бытийный план в осмыслении войны как трагедии народа переводится в фольклоре в личностно-бытовой, отражающий взгляд на войну коллективной фольклорной личности.

Фреймовый набор концепта «война» в песне и частушке отличается. Если в песне концепт «война» организуется фреймами, отражающими и военную деятельность героя, и межличностные отношения героя и героини, для частушки актуальным оказывается лишь второй ряд ситуаций. При этом спектр героев в частушке ограничен: как правило, это героиня и ее возлюбленный.

В отличие от общекультурных фреймов, структурирующих общекультурные концепты «любовь» и «война», фольклорные песенные и частушечные фреймы как сложное образование обязательно включают субфрейм «реакция героя/героини» на событие, демонстрирующего ограниченный спектр реакций, возможных/допустимых в фольклорном коллективе.

Анализ фольклорных фреймов позволил сделать выводы, о том, что мнение коллектива относительно события, аксиологическая нагруженность описываемых ситуаций в фольклоре зафиксированы во внешней модальной рамке, обрамляющей фольклорный фрейм. Модальные смыслы получают эксплицитную текстовую реализацию, прежде всего, в лексических единицах, номинирующих героев и их эмоциональные, ментальные, а также деструктивные действия (*милый, миленок, изменщица, плачет, грустит, предала, убил*), а имплицитно с помощью композиционно-тематической структуры, сюжетной линии. При общности внешней мо-

дальной рамки, отражающей общенародную оценку, внутренняя модальная рамка представляет оценку, мотивированную жанровыми установками. Внутренняя модальная рамка в песне и частушке может совпасть при оценке действий героев (концепт «война») и различаться (концепт «любовь»). В последнем случае аномальные действия героини оцениваются нейтрально, поскольку жанровые установки частушки предполагают «перевертывание» нормы, утверждение нормы через гиперболизированный показ аномальных ситуаций.

Нами выявлена специфика жанровых вариантов общенародных фреймов в песне и частушке. В фокусе внимания оказывается тот или иной слот фрейма в зависимости от жанровых особенностей песни, частушки, авторских задач. Жанровые варианты фреймового воплощения концептов различаются в первую очередь подробностью текстовой реализации всех слотов фреймов в песнях и сосредоточенностью на одном из слотов – в частушке.

Каждый из слотов обладает специфическим набором языковых средств, которые во многом обусловлены жанрово, а также концептуально зависимы. В песне герой номинируется при помощи лексических единиц, определяющих его социальный статус, внешние, возрастные характеристики, личностно-социальную роль, в частушке количество лексем ограничено, именуется лишь личностно-социальное положение героя.

Немаловажную роль в фольклорном тексте играют и недискурсообразующие концепты. В данном исследовании показана роль пространственных концептов в формировании содержания концепта «любовь», а также на основе анализа фольклорных текстов выявлен и описан концепт «речь», тесно взаимодействующий с дискурсообразующими концептами.

Анализ фреймовой организации недискурсообразующего концепта «речь» выявил взаимосвязь фреймовых структур дискурсообразующих и недискурсообразующего концепта, позволил описать прагматические установки фольклора – дать образцы коммуникативного поведения, проанализировать жанровую организацию фреймов и их текстовое воплощение как один из критериев, определяющий фольклорный жанр, когнитивные установки фольклорного сознания.

Описание фреймовой организации дискурсообразующих и недискурсообразующих концептов, обладающих различным уровнем представленности, выполняющих различные функции в фольклорных текстах, позволил сделать вывод о факторах, обуславливающих специфику фольклорного миромоделирования. Такими в первую очередь являются общность когнитивных знаний, оценок, свойств фольклорному социуму, жанровых установок и задач, особенности языка фольклора.

Бытование фольклора в современном обществе, отличаясь технологически, модифицируясь, сохраняет основные черты, присущие традиционной фольклорной коммуникации.

Описанию особенностей существования фольклорных жанров в праздничном дискурсе посвящена ГЛАВА 4 «**Фольклор в дискурсивном аспекте**».

Общие отношения связывают фольклорный и праздничный дискурсы, тесно взаимодействующие на протяжении своего существования. Фольклор и праздник выполняют общую задачу единения социальной группы, поэтому можно говорить о том, что именно праздничный дискурс являлся/является основным способом су-

существования отдельных фольклорных жанров, в частности песенных жанров, направленных на сублимацию коллективных эмоций, предполагающих коллективное исполнение (песни), наличие аудитории (частушки, куплеты).

К тому же, в современном мире именно ФД во многом помогает праздничному дискурсу наполнить праздничную идею актуальным ценностным содержанием, участвует в моделировании праздничной картины мира. В данной главе рассмотрена роль фольклорных жанров в моделировании праздничной картины мира на материале государственного праздника «День пожилых людей» (с. Турунтаево, Томская обл.) и корпоративного праздника «Юбилей народного коллектива «Ансамбль танца»» (г. Томск).

Описание дискурсивного существования фольклора осуществляется нами на материале жанров частушек и куплетов в праздничном дискурсе как одной из востребованных сфер бытования данных жанров. Выбор данных жанров для описания обусловлен прежде всего следующими причинами.

1. В отличие от песен, исполняемых коллективно, выражающих общее коллективное социальное/субкультурное эмоциональное состояние, отличающихся универсальностью сублимации, в частушках и куплетах, наравне с песней осуществляющих социальную/субкультурную идентифицирующую функцию, ярко проявляется личностное начало, их отличает высокий уровень личностно-коллективной сублимации.

2. В отличие от песенного репертуара, традиционного закрепленного в каждой субкультуре, частушки и куплеты представляют мобильный пласт репертуара, живо реагируя на происходящие изменения в субкультуре.

Анализу миромоделирующей функции фольклорных жанров предшествует описание праздничного дискурса по модели, разработанной нами для характеристики ФД.

«День пожилых людей» относится к новым государственным праздникам, поэтому, не имея общей ритуальной составляющей, каждая субкультура вырабатывает собственный ритуал празднования. Субкультурная детерминированность праздничного действия во многом определяет и круг задействованных жанров праздничного дискурса. В деревенской среде и в официальной части, и во время застолья востребованными жанрами оказываются песня и частушка. В концертной программе были исполнены частушки, в которых актуализировались следующие концепты: «любовь», «семья», «здоровье», «работа», «власть». Исполнение частушки со сцены, казалось бы, принципиально меняет ее предназначение – информировать о происходящем в деревенском социуме. Действительно, информативно-оценочная функция, если речь идет не о специально сочиненных праздничных частушках, ослабевает, поскольку конкретная референция уступает место общей референции (*миленок Ваня превращается в абстрактного миленка*), однако в таком случае частушка становится носителем информации о взглядах, настроениях как адресанта, так и адресата, на которого ориентируется исполнитель. Таким образом, можно говорить не об отсутствии, а о модификации информативно-оценочной функции частушки.

Частушки являются неотъемлемой частью деревенского застолья (нами они были зафиксированы как на семейных праздниках «День рождения», «Свадьба»,

«Проводы в армию», так и на сельских и государственных («День села», «9 Мая», «День пожилых людей»).

Тематика частушек оказалась традиционной для застолья, не прозвучало никаких текстов, непосредственно связанных с отмечаемым праздником, что является показателем неосвоенности, привнесения праздника в сельский праздничный календарь, фольклорные жанры в данном случае создают национально-культурную базу праздника, оформляя его как народный. Как показывает материал, на других массовых празднованиях присутствуют тексты, пусть единичные, но все-таки связанные с праздником: *С неба звездочка упала / На прямую линию. / Олег Олю переводит на свою фамилию* (свадьба, Новосибирская обл., Решеты); *Полюбила лейтенанта, / А потом полковника. / Стала юбка узковата, / Не найду виновника!* (проводы в армию, Новосибирская обл., Решеты). Поскольку застолье сориентировано на веселье, раскованность в поведении, востребованной оказывается не просто частушка, а ее разновидность – эротическая частушка, в которой карнавальное начало проявлено наиболее полно: игнорирование законов нормативности, этическая дерзость, эпатажность, противопоставление официальной и «серьезной» культуре (М.М. Бахтин). Не ограниченная сценическими законами, цензурой, «застольная» частушка актуализирует семантику «материально-телесного низа», привнося новый аспект в осмысление любовных, семейных отношений.

Основными концептами «застольных» частушек остаются «любовь», «семья», актуализируются фреймы «интимные отношения» (концепт «любовь»), «зачатие», «рождение ребенка» (концепт «семья»): *Мой миленок - озорник: / Ко мне в форточку проник. / Сделал все, что захотел, / И обратно улетел* (Турунтаево Томская обл.,).

Основная функция частушки в современном застолье – развлекательная. Комический эффект достигается не только за счет оппозиционной организации содержания, но и за счет несоответствия транслируемого содержания возрасту исполнителя. Исполняемая немолодыми людьми частушка теряет автобиографичность, становится «способом нарративного осмысления личного и общественного опыта»⁹. Триада «автор/говорящий/субъект» превращается в оппозицию «автор/говорящий – субъект», это актуализирует развлекательную функцию частушки, аудитория не отождествляет говорящего и субъекта частушечного действия. При этом некоторые тексты аудиторией напрямую соотносятся с исполнителем, о чем свидетельствует реакция участников действия. Так, после спетой частушки: *Пойду спляшу, / Пойду спую, / Пойду попой потрясу, / Всех гостей развеселю,* – присутствующие обратились к исполнительнице с вопросом: «А че так долго собиралась?» Как правило, подобную реакцию вызывают частушки, в которых нет языковых маркеров возраста: *я девчонка молода, дроля, миленок, милка* и др. – поэтому данные тексты могут соотноситься с разновозрастным референтом. Комический эффект в них достигается за счет сюжетно-композиционных, образных, стилистических способов создания.

Частушка, напрямую не участвуя в закреплении базовых ценностей праздника «День пожилых людей», способствует моделированию праздничной картины ми-

⁹ Адоньева С.Б. Прагматика фольклора. СПб, 2004. С. 175.

ра, актуализируя фольклорные ценности, лежащие в основе национальной ценностной системы. Она является показателем сплоченности коллектива, его общих когнитивных установок, транслируя общую для социума аксиологическую картину мира.

«Юбилей самодеятельного хореографического коллектива «Ансамбль танца»» – корпоративный праздник особого типа и в силу субкультурной принадлежности, и в силу специфики самого коллектива. Танцевальный коллектив, как и другие социальные группы, формирует свой фольклор, некоторые жанровые формы которого оказываются востребованы только в данном коллективе. Так, особое место в праздничном репертуаре, не только юбилейном, занимают куплеты, сочиненные членами коллектива. При близости куплета к частушке: лаконичность формы, злободневность тем, карнавальное начало – куплет отличает как способ бытования, так и особенности миромоделирования.

Концептосфера куплетов субкультурно обусловлена, она представлена не только специфическими для данной группы концептами «коллектив», «руководитель» (*А наш Иосиф – молодцом, / Он не ударил в грязь лицом. / Для коллектива нужно было это. / Сердечно всех благодарил, / Потом он Зину одарил, / Букетом, блин, букетом, блин, букетом!*), но и общекультурными концептами «любовь», «учеба», актуальными для молодежной среды (*Наш староста – хороший муж, / Но вот в учебе был не дюж, / Пока общественность тревогу не забила. / И в третий раз подряд опять / Идет учёбу штурмовать – / Светило, блин, науки, блин, светило!*).

Если в частушке субкультурная составляющая эксплицитно не представлена, поскольку для традиционной культуры, несмотря на значительное число габитусов, мировидение, система ценностей оказываются едиными, получающими отражение в фольклоре. В куплетах знаки субкультуры актуализированы, так как позиционирование себя как хореографического коллектива необходимо для группы внутри городской культуры, когда индивид является членом нескольких субкультур, имеющих разные системы ценностей. Отметим, что фреймовый состав концепта «любовь» в куплетах, в отличие от фреймового состава концепта в современном крестьянском фольклоре, ограничен: он представлен фреймами «встреча», «ухаживание», «свадьба», что обусловлено, в первую очередь, дискурсивными характеристиками праздника – объединить индивидов, создать радостное настроение у его участников.

Куплеты как фольклорный жанр функционируют в праздничном дискурсе, выполняя не только развлекательную, но и информативно-оценочную функцию – представляя события, произошедшие в коллективе за определенный временной период, которые могут быть напрямую не связаны с данным праздником. Цель данного жанра – отрефлексировать и дать оценку произошедшему. На праздничном застолье в куплетах моделируется мир, в котором общечеловеческие ценности предстают сквозь субкультурную призму. Праздничный дискурс актуализирует необходимость появления «рефлексирующего» жанра и предоставляет куплетам «среду бытования».

И частушка, и куплеты, функционируя в праздничном дискурсе, сохраняют свои информативно-оценочную и развлекательную функции. Праздничный дискурс представляет для этих жанров «среду обитания», где они в полной мере рас-

крывают свой потенциал, работая на выполнение задач принимающего (праздничного) дискурса.

В **Заключении** излагаются основные выводы диссертационного исследования, намечаются перспективы дальнейшего изучения ФД.

Проведенное исследование позволяет говорить о ФД как об особом способе коммуникации и мировидения, определяющем когнитивные и оценочные установки фольклорного коллектива, режим коммуникации. Концептуально-фреймовая модель, позволяющая описать глубинные когнитивные структуры, на уровне которых и начинается варьирование, апробирована на материале песенного фольклора. Уточнение, дополнение этой модели на основе анализа различных фольклорных жанров – перспектива будущих исследований. Также требует дальнейшего развития идея взаимодействия ФД с педагогическим, политическим и рекламным дискурсами. Эта проблематика открывает перспективы для дальнейшего исследования ФД и – шире – когнитивно-дискурсивного моделирования других дискурсов.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Монография и разделы коллективных монографий

1. Эмер Ю.А. Современный песенный фольклор: когниции и дискурсы / Ю. А. Эмер. – Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2011. – 220 с. (14 п.л.).
2. Эмер Ю.А. Ценностная картина мира традиционного и современного фольклора / И.В. Тубалова, Ю.А. Эмер // Картины русского мира: аксиология в языке и тексте / отв. ред. З.И. Резанова. – Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2005. – С. 257–296. (2,4 / 1,2 п.л.).
3. Эмер Ю.А. Лингвокультурологический портрет сибирской деревни: к вопросу о методологии представления на фольклорном материале / И.В. Тубалова, Ю.А. Эмер // Филология и философия в современном культурном пространстве: проблемы взаимодействия / ред. В.А. Суханов. – Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2006. – С. 394–403. (0,5 / 0,25 п.л.).
4. Эмер Ю.А. Текстовый континуум праздника как результат межсемiotического взаимодействия (к постановке проблемы) / И.В. Тубалова, Ю.А. Эмер // Язык современного города. – Кемерово, 2007. –С. 35–43. (0,5 / 0,25 п.л.).
5. Эмер Ю.А. Фольклорный текст: пространственная организация жанра / Ю.А. Эмер // Картины русского мира: пространственные модели в языке и тексте / отв. ред. З.И. Резанова. – Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2007. – С. 110–150. (2,5 п.л.).
6. Эмер Ю.А. Пространственная организация праздничного дискурса / И.В. Тубалова, Ю.А. Эмер // Картины русского мира: пространственные модели в языке и тексте / отв. ред. З. И. Резанова. – Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2007. – С. 152–187. (2,1 / 1,1 п.л.).
7. Эмер Ю.А. Коммуникация в фольклорном тексте: особенности речеванровой организации / Ю.А. Эмер // Картины русского мира: образы языка в дискурсах и текстах / ред. З.И. Резанова. – Томск : ИД СК-С, 2009. – С. 265–314. (3 п.л.).
8. Эмер Ю.А. Сибирский фольклор как источник реконструкции картины мира русского населения Сибири / И.В. Тубалова, Ю.А. Эмер // «Славянский мир»

Сибири: новые подходы в изучении процессов освоения Северной Азии / ред. О.Н. Бахтина, В.Н. Сыров, Е.Е. Дутчак. – Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2009. – С. 168–198. (1,8 / 0,9 п.л.).

Статьи, в журналах, рекомендованных ВАК

9. Эмер Ю.А. Современная сибирская деревня в фольклорном эстетическом отражении (лингвокультурологическое описание) / И.В. Тубалова, Ю.А. Эмер // Вестник Томского государственного университета. – 2007. – № 294. – С. 86–93. (0,4 / 0,2 п.л.).

10. Эмер Ю.А. Текстовое пространство «Дня города» и «Дня рождения вуза» : к проблеме праздничного миромоделирования / И.В. Тубалова, Ю.А. Эмер // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2009. – № 2 (6). – С. 11–22. (0,6 / 0,3 п.л.).

11. Эмер Ю.А. Ценностная модель мира традиционного фольклора в жанровом воплощении / Ю.А. Эмер // Вестник Томского государственного университета. – 2007. – № 297. – С. 25–32. (0,4 п.л.).

12. Эмер Ю.А. Частушка как народная рефлексия советской ценностной системы / Ю.А. Эмер // Вестник Томского государственного университета. – 2008. – № 313. – С. 39–42. (0,1 п.л.).

13. Эмер Ю.А. Пространственная составляющая фольклорной концептосферы / Ю.А. Эмер // Сибирский филологический журнал. – 2008. – № 4 – С. 12–20. (0,5 п.л.).

14. Эмер Ю.А. Фольклорный жанр (к проблеме лингвокогнитивного моделирования) / Ю.А. Эмер // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2009. – № 2. – С. 107–117. (0,6 п.л.).

15. Эмер Ю.А. Фреймовая организация концепта «языку» в частушке / Ю.А. Эмер // Вестник Томского государственного университета. – 2009. – № 327. – С. 34–39. (0,3 п.л.).

16. Эмер Ю.А. Фольклорный концепт: жанрово-дискурсивный аспект / Ю. А. Эмер // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2010. – № 1(9). – С. 91–99. (0,5 п.л.).

17. Эмер Ю.А. Фреймовая организация концепта в фольклоре : особенности текстового воплощения / Ю.А. Эмер // Сибирский филологический журнал. – 2010. – № 3. – С. 26–34. (0,5 п.л.).

18. Эмер Ю.А. Фольклор : когнитивно-дискурсивное описание / Ю. А. Эмер // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2011. – № 2. – С. 51–60. (0,5 п.л.).

Статьи и учебно-методические пособия

19. Эмер Ю.А. Язык фольклора: учебно-методическое пособие / Ю.А. Эмер, И.В. Тубалова – Томск, 2005. – 37 с. (2 / 1 п.л.).

20. Эмер Ю.А. Функционирование отглагольного имени в фольклорном тексте / Ю.А. Эмер // Лингвистический и эстетический аспекты анализа текста : материалы Междунар. научн. конф. – Соликамск, 1997. – С. 25–29. (0,2 п.л.).

21. Эмер Ю.А. Отглагольное имя и жанр жалобы (на материале фольклорных текстов) / Ю.А. Эмер // Язык. Система. Личность : материалы докладов Междунар. конф. – Екатеринбург, 1998. – С. 197–198. (0,1 п.л.).

22. Эмер Ю.А. Цветообозначения в фольклорном тексте / Ю.А. Эмер // Филологические исследования : сб. ст. молодых ученых. – Томск, 2000. – С. 56–63. (0,5 п.л.).

23. Эмер Ю.А. Проблемы лексикографирования языка фольклора / И.В. Тубалова, Ю.А. Эмер // Филологические исследования : сб. ст. молодых ученых. – Томск, 2000. – С. 125–133. (0,5 / 0,25 п.л.).

24. Эмер Ю.А. Полный словарь сибирского говора и словарь языка фольклора Сибири / И.В. Тубалова, Ю.А. Эмер // XXII Дульзоновские чтения : материалы Междунар. научн. конф. – Томск, 2000. – С. 115–120. (0,3 / 0,15 п.л.).

25. Эмер Ю.А. Концепт «Природа» и язык фольклора / Ю.А. Эмер // Филология на рубеже веков : материалы конф. молодых ученых. – Томск, 2000. – С. 101–104. (0,1 п.л.).

26. Эмер Ю.А. К проблеме фольклорного значения / И.В. Тубалова Ю.А. Эмер // Актуальные проблемы русистики : материалы Всероссийск. научн. конф., посвященной 70-летию О.И. Блиновой. – Томск, 2001. – С. 96–101. (0,25 / 0,15 п.л.).

27. Эмер Ю.А. Язык фольклора и диалект / Ю.А. Эмер // Коммуникативные аспекты языка и культуры. – Томск, 2001. – С. 78–79. (0,12 п.л.).

28. Эмер Ю.А. Роль эпитета в реконструировании фольклорной картины мира / Ю.А. Эмер // Картина мира. Язык, философия, наука : докл. участников Всероссийск. школы молодых ученых (1–3 ноября 2001 г.). – Томск, 2000. – С. 234–235. (0,2 п.л.).

29. Эмер Ю.А. Оппозиционная структура фольклорного текста сказки, заговора / Ю.А. Эмер // Европейские исследования Сибири : материалы всероссийск. конф. «Американский и сибирский фронтир» 6–8 апреля 2001. – Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2001. – Вып. 3. – С. 126–132. (0,3 п.л.).

30. Эмер Ю.А. К проблеме реконструкции архаического сознания / Ю.А. Эмер // Картина мира : язык, философия, наука : доклады участников всероссийск. школы молодых ученых. – Томск, 2002. – С. 321–327. (0,3 п.л.).

31. Эмер Ю.А. Жанровая специфика миромоделирования в языке фольклора / Ю.А. Эмер // Язык и культура. – Новосибирск, 2003. – С. 150–155. (0,3 п.л.).

32. Эмер Ю.А. К вопросу о методологии анализа фольклорного текста / Ю.А. Эмер, И.В. Тубалова // Прикладная филология : язык, текст, коммуникация : материалы Междунар. научно-практической конф., посвященной 10-летию юбилею кафедры русского языка и литературы. – Томск, 2003. – С. 207–210. (0,1 / 0,05 п.л.).

33. Эмер Ю.А. Миромоделирование в языке фольклора / Ю.А. Эмер // Миромоделирование в языке и тексте : сб. науч. тр. – Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2003. – С. 82–90. (0,4 п.л.).

34. Эмер Ю.А. Миромоделирование и жанровая организация фольклора (к постановке проблемы) / Ю.А. Эмер // Язык и культура в Евразийском пространстве : сб. науч. ст. XVI Междунар. науч. конф. – Томск, 2003. – С. 237–241. (0,2 п.л.).

35. Эмер Ю.А. К проблеме взаимодействия традиционного и современного в фольклоре / Ю.А. Эмер // Европейские исследования в Сибири : материалы всерос.

науч. конф. «Мир и общество в ситуации фронта : проблемы идентичности» – Томск, 2004. – Вып. 4. – С. 315–324. (0,5 п.л.).

36. Эмер Ю.А. Специфика жанровой интерпретации фольклорного текста (лингвокультурологический аспект) / И.В. Тубалова, Ю.А. Эмер // Интерпретатор и текст : проблемы ограничений в интерпретационной деятельности : материалы пятых филол. чтений (20–22 октября 2004) : в 2 ч. – Новосибирск : Изд-во Новосибир. гос. технич. ун-та, 2004. – Ч. 1. – С. 77–83. (0,3 / 0,15 п.л.).

37. Эмер Ю.А. Филология и информатика: специфика электронного представления региональных фольклорных текстов. / Н.А. Мишанкина, И.В. Тубалова, Ю.А. Эмер // Гуманитарная информатика : сб. ст. – Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2004. – Вып. 1. – С. 102–114. (0,7 / 0,3 п.л.).

38. Эмер Ю.А. Словарь среднеобского фольклора : традиционное и современное / И.В. Тубалова, Ю.А. Эмер // Коммуникативные аспекты языка и культуры 2005 : в 2 ч. – Томск, 2005. – Ч. 2. – С. 173–184. (0,6 / 0,3 п.л.).

39. Эмер Ю.А. Миромоделирование в традиционном и современном фольклоре / Ю.А. Эмер // Літературознавчі обрії. Праці молодих учених. – Киев : Інститут літератури ім. Т. Г. Шевченка НАНУ, 2005. – Вып. 7. – С. 30–34. (0,2 п.л.).

40. Эмер Ю.А. Отглагольное имя и фольклорный текст (к проблеме миромоделирования) / Ю.А. Эмер // Актуальные проблемы современного словообразования : материалы Междунар. научн. конф. – Кемерово, 2005. – С. 76–81. (0,3 п.л.).

41. Эмер Ю.А. Этническая модель мира в среднеобском фольклоре (лингвокультурологический портрет) / Ю.А. Эмер // Актуальные проблемы русистики : языковые аспекты регионального существования человека : материалы Междунар. научн. конф., посвященной юбилею академика МАН ВШ, д-ра филол. наук, профессора О. И. Блиновой. – Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2006. – С. 336–341. (0,3 п.л.).

42. Эмер Ю.А. Лингвофольклористика. Томская диалектологическая школа: историографический очерк. / И.В. Тубалова, Ю.А. Эмер – Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2006. – Гл. VI. – С. 211–219. (0,5 / 0,25 п.л.).

43. Эмер Ю.А. Фольклорный коллектив и его мир в среднеобской лирической песне (лингвокультурологический портрет) / Ю.А. Эмер // Слово : фольклорно-диалектологический альманах. – Благовещенск, 2006. – Вып. 4. – С. 22–26. (0,2 п.л.).

44. Эмер Ю.А. Лингвокогнитивная модель жанра (на материале официальных поздравлений) / Ю.А. Эмер // Язык и культура в Евразийском пространстве : сб. науч. статей Междунар. науч. конф. – Томск, 2007. – С. 115–121. (0,3 п.л.).

45. Эмер Ю.А. Фольклорный жанр (к проблеме определения лингвистического статуса) / Ю.А. Эмер // Прикладная филология : идеи, концепты, проекты : сб. ст. VI Международной научно-практической конференции : в 2 ч. – Томск, 2008. – Ч. 2. – С. 157–163. (0,3 п.л.).

10 2

Тираж 100 экз.
Отпечатано в ООО «Позитив-НБ»
634050 г. Томск, пр. Ленина 34а